

ИНФЛЯЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ ПЕРИОДА ПАНДЕМИИ И УРОКИ ДЛЯ БУДУЩЕГО

Доклад НИУ ВШЭ

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Москва, 2022

**К XXIII Ясинской
(Апрельской)
международной
научной конференции
по проблемам развития
экономики и общества**

2022 г.

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИНФЛЯЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ ПЕРИОДА ПАНДЕМИИ И УРОКИ ДЛЯ БУДУЩЕГО

Доклад НИУ ВШЭ

Издательский дом
Высшей школы экономики
Москва, 2022

УДК 338
ББК 65.053
И74

Руководитель авторского коллектива
Н.В. Акиндинова

Авторский коллектив:
*Н.В. Акиндинова, В.А. Бессонов, Н.В. Кондрашов,
А.О. Кузнецов, В.В. Миронов, С.Г. Мисихина, С.Г. Пухов,
И.Н. Сафонов, С.В. Смирнов, А.В. Чернявский*

Инфляционные вызовы периода пандемии и уроки для будущего [Текст]: докл. к XXIII Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2022 г. / Н. В. Акиндинова (рук. авт. кол.), В. А. Бессонов, Н. В. Кондрашов и др. ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. — 90 с. — ISBN 978-5-7598-2660-6 (в обл.). — ISBN 978-5-7598-2472-5 (e-book).

Доклад посвящен исследованию инфляционных последствий кризиса 2020–2021 годов, вызванного пандемией коронавируса. Представлены результаты анализа процессов, приведших к ускорению глобальной инфляции в этот период, внешних и внутренних факторов роста инфляции в России, а также влияния повышенной инфляции на динамику доходов и потребления населения и на уровень социально-экономического стресса в регионах. В новых условиях уроки коронакризиса сохраняют свою актуальность, в том числе с точки зрения выбора приоритетов денежно-кредитной и бюджетной политики.

УДК 338
ББК 65.053

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики
<http://id.hse.ru>

ISBN 978-5-7598-2660-6 (в обл.)
ISBN 978-5-7598-2472-5 (e-book)

© Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
1. Глобальные причины ускорения инфляции.....	6
2. Факторы ускорения инфляции в России	25
3. Влияние инфляции на динамику доходов и потребления населения.....	39
4. Экономическая динамика и уровень социально-экономического стресса в региональном измерении.....	51
5. Выбор бюджетной политики в период кризиса	67
6. Инфляция и шоки 2020–2022 гг.: сходство и различие двух кризисов.....	73
Заключение.....	77
Приложение	79
Авторы доклада	88

ВВЕДЕНИЕ

Динамика инфляции является ключевым фактором макроэкономической и социальной устойчивости, оказывая непосредственное влияние на все структурные пропорции в экономике, реальные доходы и потребление населения. Это особенно заметно в периоды острых шоков и кризисов.

Данный доклад представляет собой попытку осмысления инфляционных последствий недавнего кризиса неэкономической природы, связанного с пандемией коронавируса. Глобальный характер этого кризиса, а также его влияние на все сектора экономики и сферы экономических отношений представляют богатый материал для анализа. Геополитическое обострение и масштабные санкции против России в 2022 г. стали новым потрясением для всей экономической системы, в том числе создав шлейф новых инфляционных эффектов на глобальном уровне и особенно внутри России. В силу наличия значительного числа сходных черт двух кризисов сохраняется актуальность скрупулезного анализа коронакризиса и его уроков, несмотря на кардинальное изменение ситуации в связи с началом санкционного кризиса.

В первом разделе доклада проанализированы механизмы глобального ускорения инфляции в 2020–2021 гг., включая ситуацию на мировых рынках важнейших сырьевых и несырьевых товаров. Затем, во втором разделе, авторы рассматривают процессы ускорения инфляции в России под воздействием внешних и внутренних факторов, а также особенности формирования инфляционных ожиданий и антиинфляционной политики Банка России в этот период. Третий раздел посвящен изучению того, как влияет ускорение роста продовольственной и непродовольственной инфляции на динамику реальных доходов и потребления населения в период пандемии, в частности в разрезе доходных групп. В четвертом разделе проанализированы экономические итоги 2021 г., в том числе в региональном разрезе, и представлены значения специально разработанного индекса социально-экономического стресса для регионов России, отражающего динамику инфляции и безработицы как важнейших факторов социального напряжения. Пятый раздел посвящен особенностям бюджетной

политики в период коронакризиса и сопровождавшего его ускорения инфляции. В шестом разделе представлены предварительные оценки структуры проинфляционных факторов, связанных с развивающимся в 2022 г. санкционным кризисом, отмечено их сходство и различие с теми факторами, что наблюдались в период пандемии.

1. ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРИЧИНЫ УСКОРЕНИЯ ИНФЛЯЦИИ

Текущие тенденции. Примерно с марта 2021 г. во многих странах обозначился рост потребительских цен, который первоначально не вызывал особой тревоги, поскольку казался вполне естественным следствием эффекта базы: за II квартал 2020 г., на который пришелся пик локдаунов, потребительские цены в США выросли всего на 0,7% к тому же периоду предыдущего года, а в Еврозоне и того меньше — на 0,3%. Однако всплеск инфляции при выходе из коронакризиса оказался гораздо более сильным, а главное — более продолжительным, чем ожидалось (рис. 1.1). В феврале 2022 г. годовой прирост потребительских цен составил 7,9% в США и 5,8% в Еврозоне. Понятно, что при инфляционных таргетах центральных банков — 2% и среднегодовом темпе за десять допандемийных лет — 1,6 и 1,3% соответственно такая инфляция воспринимается как проблема, требующая от денежных властей принятия энергичных мер.

В связи этим возникает два вопроса. Во-первых, в чем причины такого ускорения? Во-вторых, каковы ближайшие и более отдаленные перспективы?

Причины ускорения инфляции в 2021 г. Что касается влияния со стороны спроса, прежде всего следует напомнить о внушительных пакетах антикризисной помощи, принятых денежными властями ведущих стран в ходе борьбы с пандемией COVID-19. К ним относятся дополнительные бюджетные расходы и вливания ликвидности центральными банками (в США возможности снижения ставкой были исчерпаны уже в первой половине марта 2020 г., а в Еврозоне их и вовсе не было, поскольку еще в 2016 г. ставка ЕЦБ была обнулена). Масштабы этих вливаний за 2020–2021 гг. составили триллионы долларов и десятки процентов ВВП (табл. 1.1).

Понятно, что эти колоссальные дополнительные вливания вызвали в США и Еврозоне беспрецедентный рост денежной массы (рис. 1.2). В США ее годовой прирост достиг в феврале 2021 г. 27% (при том что за всю историю — в том числе в ходе мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. — он никогда не поднимался выше 15%). В Еврозоне максимальный прирост денежной массы

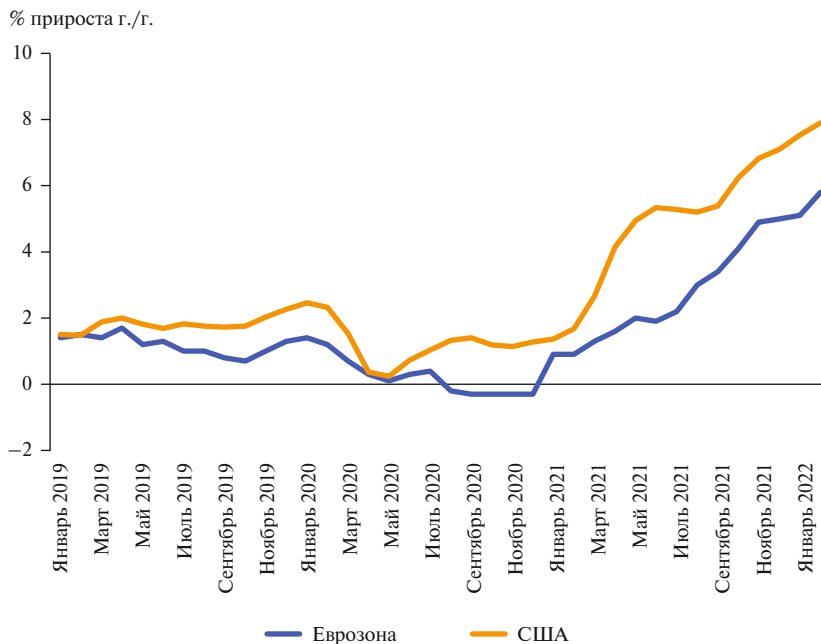

Рис. 1.1. Динамика индексов потребительских цен (ИПЦ) в США и Евроне, %

Источники: US BLS; Eurostat.

составил 12,2% (январь 2021 г.), что тоже является для ЕЦБ абсолютным рекордом (правда, здесь в ноябре 2007 г. годовые приросты М2 поднимались до 11%, т.е. были лишь немного ниже). На этом фоне наблюдавшееся в последний год ускорение инфляции уже не выглядело неожиданным: массивное стимулирование спроса и должно было не только поддержать экономическую активность, но и дать толчок к росту цен.

Однако рис. 1.2 позволяет сделать еще два важных наблюдения. Во-первых, динамика роста денежной массы явно опережала динамику роста цен во времени. Ликвидность начала ускоренными темпами поступать в экономику США и Евроне в марте 2020 г., на фоне жестких (особенно в ведущих европейских странах) карантинных мер, которые резко ограничили не только предложение

Таблица 1.1. Масштабы антикризисных пакетов денежных властей США и Еврозоны в 2020–2021 гг.

Показатель	США	Еврозона	США	Еврозона
	млрд долл., 2020–2021 гг.		% от ВВП, 2020–2021 гг.	
Бюджетные вливания*	5838	3980	13,3	19,5
Вливания центральных банков**	3323	4182	7,6	20,5
Всего	9161	8162	20,9	40,0

* Сумма дополнительных бюджетных расходов, налоговых послаблений, докапитализации, покупки активов, ссуд, урегулирования долгов, гарантий по ссудам и депозитам, операций госкорпораций по поручению правительства и др. Учтены решения с начала 2020 г. по 27 сентября 2021 г.; не все выделенные суммы могут быть реально израсходованы до конца 2021 г.

** По США — приобретение US Treasuries Федеральным резервом; по Еврозоне — сумма операций ЕЦБ по долгосрочному рефинансированию и приобретение им ценных бумаг для целей денежной политики. Показатели по Еврозоне пересчитаны в доллары по официальным курсам ЕЦБ.

Источники: IMF; Federal Reserve; US BEA; ECB; Eurostat.

товаров и (еще более) услуг, но также возможности реализации спроса, неизбежно трансформируя его из актуального в потенциальный (отложенный). А ускорение инфляции стало осязаемым только год спустя, когда восстановительный рост мировой экономики обрел достаточную устойчивость, в том числе вследствие смягчения карантинных ограничений и актуализации отложенного спроса. Во-вторых, в динамике денежной массы отчетливо просматривается эффект базы, явное исчерпание которого указывает на то, что денежные власти рассматривали свои стимулирующие программы 2020 г. как экстраординарные, были настроены на их постепенное сворачивание и следили за тем, чтобы не допустить раскручивания инфляционной спирали. (Конечно, это прямо следует и из официальных заявлений денежных властей, но все же одно дело — слова и обещания, а другое — конкретные действия в данном направлении.) С учетом отставания динамики инфляции от динамики денежной массы можно было ожидать постепенного замедления роста спроса, а значит, при прочих равных условиях, и замедления роста цен.

1. Глобальные причины ускорения инфляции

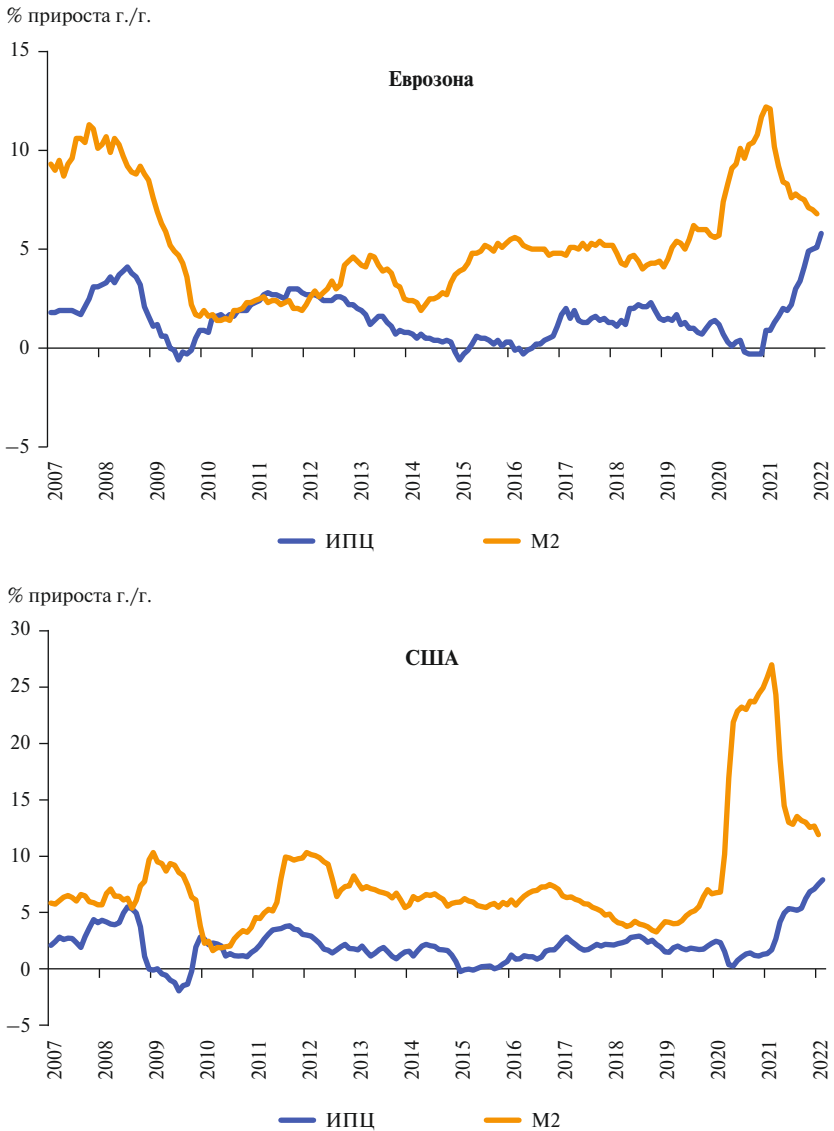

Рис. 1.2. Динамика денежного агрегата M2 и ИПЦ в США и Евророзне, %

Источники: Federal Reserve; US BLS; ECB; Eurostat.

Однако темпы инфляции зависят не только от динамики спроса, но и еще по крайней мере от двух факторов, связанных с пандемией COVID-19: от ограничений предложения, вызванных разрывом наработанных в последние десятилетия международных цепочек поставок (из-за этого увеличились сроки доставки сырья и материалов к производителям, а готовой продукции — к потребителям), а также от роста издержек, прежде всего связанных с ситуацией на товарных рынках и на рынке рабочей силы, где возникали сложности из-за массовых заболеваний работников и членов их семей.

Наиболее наглядно ограничения со стороны предложения проявились в двух сегментах экономики: морских контейнерных перевозках (особенно в США, где время ожидания разгрузки контейнеровозов в порту выросло с 20 до 80 дней) и производстве автомобилей, где возник многомесячный дефицит электронных компонентов.

История возникновения этого «бутылочного горлышка» началась с первой волной пандемии, когда резко упал спрос на автомобили. Из-за этого автопроизводители отказались от значительной части ранее размещенных заказов на электронные компоненты. Тем временем резко вырос спрос на электронные устройства, обеспечивающие удаленную работу и более комфортное пребывание дома в условиях локдаунов. Производители электроники быстро переключились на удовлетворение спроса со стороны этих секторов, и неиспользуемых мощностей у них не образовалось. Когда же мировая экономика начала выходить из «пика» и спрос на автомобили стал постепенно восстанавливаться, оказалось, что быстро нарастить производство чипов для автомобильной промышленности не представляется возможным именно по причине отсутствия свободных мощностей. Кроме того, дополнительные трудности возникли из-за эпидемиологических и природных катаклизмов, обрушившихся на Китай, Тайвань и Японию, где производится львиная доля электронных компонентов (засуха в Тайване, наводнения, затруднившие работу портов в Китае, и т.п.)¹.

При всем этом нужно отметить, что, по оценке МВФ, ограничения предложения внесли в динамику ИПЦ всего 0,5–0,7 п.п.²

¹ Подробнее об этом см.: IMF (2022). Supply Bottlenecks: Where, Why, How Much, and What Next? // IMF WP/22/31. P. 21–25.

² Ibid. P. 26.

Потребительская инфляция зависит также от движения цен на отдельных товарных рынках. Анализ структуры ИПЦ США (табл. 1.2) показывает, что с точки зрения наблюдаемого ускорения инфляции наиболее важна динамика цен на энергию, транспорт, жилье и продукты питания. В феврале 2022 г. их совокупный вклад в прирост ИПЦ США составил 6,6 из 7,9% (для сравнения: в допандемийном феврале 2020 г. — 1,5 из 2,3%; в феврале 2021 г. — 1,5 из 1,7%). Расчеты показывают, что при изменении цен на американскую нефть на 10% г./г. цены на энергию в США, включенную в инфляцию, вырастают на 4–5%, а инфляция в целом — на 1–2%. Так, в феврале 2022 г. эластичность инфляции по цене на нефть составила всего 0,14.

В Еврозоне инфляция достигла 5,8% в феврале текущего года. Цены на энергетические товары за год выросли почти на 32%, а их вклад в годовую инфляцию составил 3,5 п.п. (10,9% в потребительской корзине). Доля продовольствия, алкоголя и табака в потребительской корзине в Еврозоне (20,9%) существенно выше, чем в США. Поэтому даже рост цен на них на 4,1% дает весомый вклад в инфляцию — почти 0,9 п.п. Доля услуг, связанных с расходами населения на жилье, составила 11,6% потребительской корзины.

Таким образом, основным фактором высокой инфляции в США и Еврозоне стал рост цен на энергетические товары. Согласно данным Всемирного банка, начиная с марта 2021 г. прирост индекса цен на энергетические товары превышал 70% г./г. (рис. 1.3) из-за низкой базы 2020 г. Следует, впрочем, отметить низкую эластичность розничных цен на топливо и электроэнергию для населения от роста сырьевых цен. Исчерпание эффекта низкой базы 2020–2021 гг. ведет к снижению вклада энергоносителей в инфляцию.

Эффект базы касается цен не только на энергию, но также на продовольствие и металлы: на рис. 1.3 хорошо видна тенденция к замедлению темпов роста в годовом выражении. Однако высокая вероятность нового витка роста цен из-за возможных перебоев с поставками сырьевых товаров в условиях возросших геополитических рисков может усилить инфляционное давление в текущем году.

Несмотря на менее значительный (по сравнению с сырьевыми рынками) рост цен на жилье в США и в Еврозоне (рис. 1.4), его трансформация в рост расходов на аренду только начинает про-

Таблица 1.2. Структура прироста потребительских цен в США

Показатель	Февраль 2020			Февраль 2021			Февраль 2022		
	доля, %	рост, % г./г.	вклад, п.п.	доля, %	рост, % г./г.	вклад, п.п.	доля, %	рост, % г./г.	вклад, п.п.
Инфляция, всего	100,0	2,3	1,5	100,0	1,7	1,5	100,0	7,9	6,6
Продукты питания	13,8	1,8	0,2	14,1	3,6	0,5	13,3	7,9	1,1
Энергия	6,7	2,8	0,2	6,3	2,4	0,2	7,4	25,6	1,9
Жилье	33,2	3,3	1,1	33,2	1,5	0,5	32,8	4,7	1,5
Транспорт	6,9	-0,2	0,0	7,1	4,2	0,3	8,8	23,9	2,1

Источник: US BLS.

1. Глобальные причины ускорения инфляции

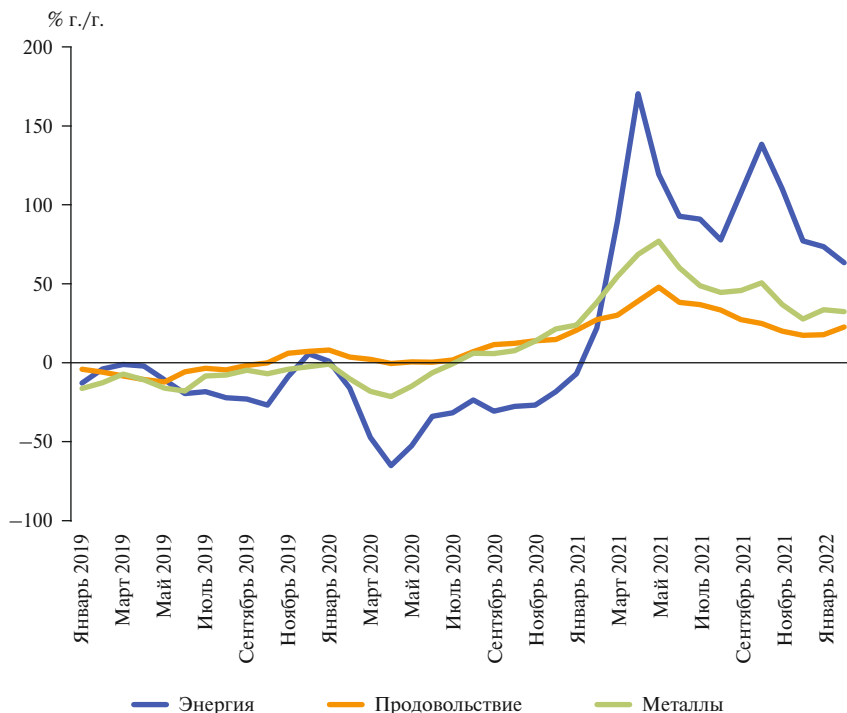

Рис. 1.3. Динамика индексов цен на энергию, металлы и продовольствие, % г./г.

Источник: Всемирный банк.

являться. Так, на вторичном рынке жилья в США предложение находится на минимальных уровнях за все время ведения статистики с 1982 г. Перспектива роста процентных ставок лишь подогреет спрос. В таких условиях рост цен, скорее всего, продолжится, а вместе с ним и рост цены на аренду в составе инфляции.

Рассмотрим более детально факторы динамики цен на мировых рынках нефти и зерновых, а также на рынке жилья США.

Нефть. В допандемийные 2018–2019 гг. нефтяные цены стабилизировались на уровне 60 долл./барр. (рис. 1.5). В 2020 г. рынок столкнулся с резким падением спроса на топливо. Пик падения спроса на нефть пришелся на апрель (–20% г./г., или на 20 млн

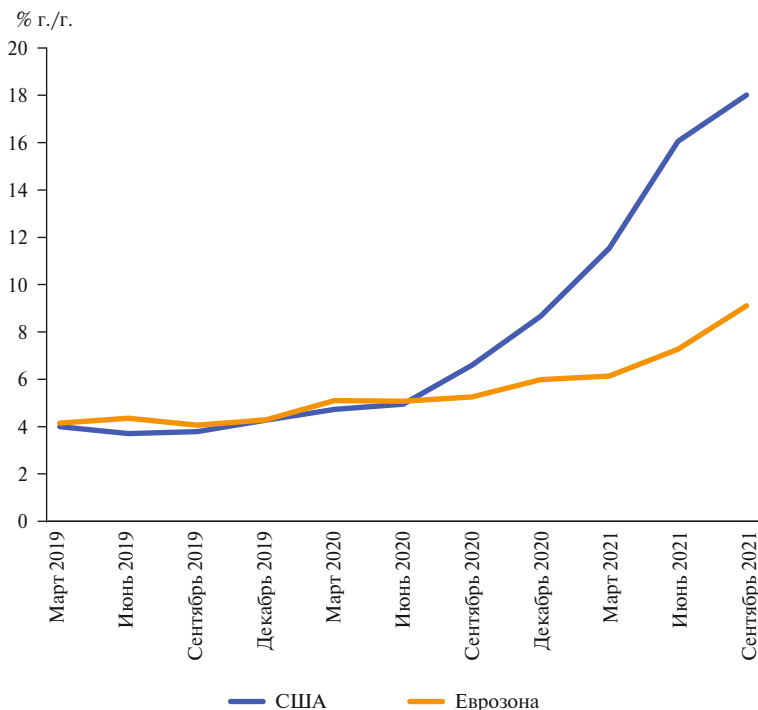

Рис. 1.4. Динамика индексов цен на жилье, % г./г.

Источник: Банк международных расчетов.

барр./сут.), когда баррель нефти стоил в среднем около 16 долл. В наибольшей степени (на 28%) сократился спрос в Европе и США, которые смогли взять под контроль распространение коронавируса. В мае 2020 г. страны ОПЕК+ смогли договориться о беспрецедентном сокращении добычи нефти на 9,7 млн барр./сут. Тогда же сланцевый бум в США сменился отказом от многих проектов в области добычи сланцевого газа. В результате по итогам 2020 г. мировой спрос сократился на 9,3% (на 9,1 млн барр./сут.) при снижении предложения на 6,9% (на 6,6 млн барр./сут.). По мере смягчения карантинных ограничений спрос стал быстро восстанавливаться. В 2021 г. он вырос на 5,3 млн барр./сут. (+5,7%), тогда как предложение всего на 1,6 млн барр./сут. (+1,7%).

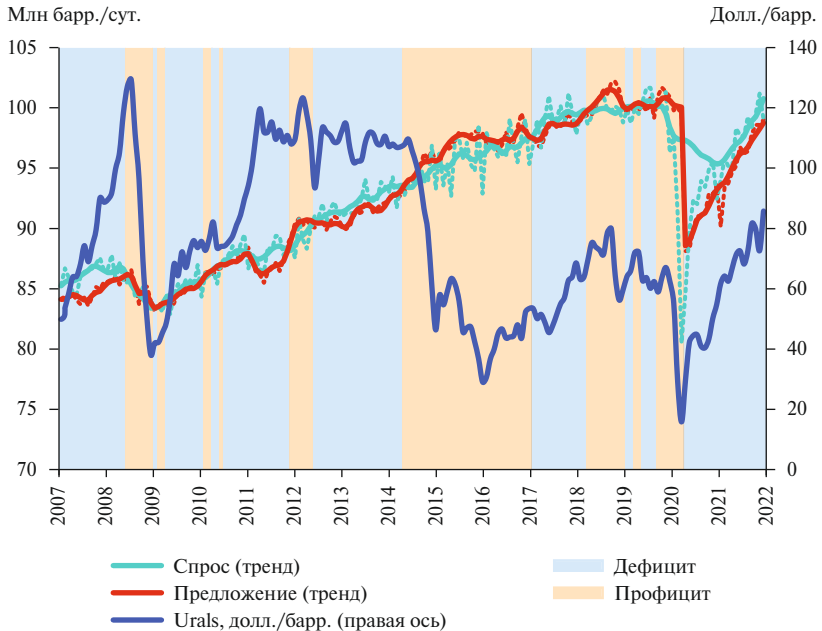

Рис. 1.5. Динамика спроса и предложения нефти, млн барр./сут.

Источники: U.S. Energy Information Administration (EIA); Рейтер.

Минэнерго США прогнозирует (март 2022 г.) снижение нефтяных цен до 89 долл./барр. в 2023 г. Мировое потребление нефти и жидкого топлива ожидается в среднем на уровне 100,6 млн барр./сут. в течение всего 2022 г., что на 3,1 млн барр./сут. больше, чем в 2021 г. Данный прогноз предполагает рост запасов на 0,5 млн барр./сут. со II квартала 2022 г. до конца 2023 г. Однако любые сбои в добыче — в России или где-либо еще — могут привести к повышению прогнозных цен.

Сейчас ожидается торможение роста ВВП США и мировой экономики в целом. Согласно прогнозу Минэнерго США³, ВВП страны увеличится на 3,6% в 2022 г. и на 2,7% в 2023 г. после роста на 5,7% в 2021 г. Рост мирового ВВП в 2022 и 2023 гг. составит соот-

³ <<https://www.eia.gov/outlooks/steo/>>.

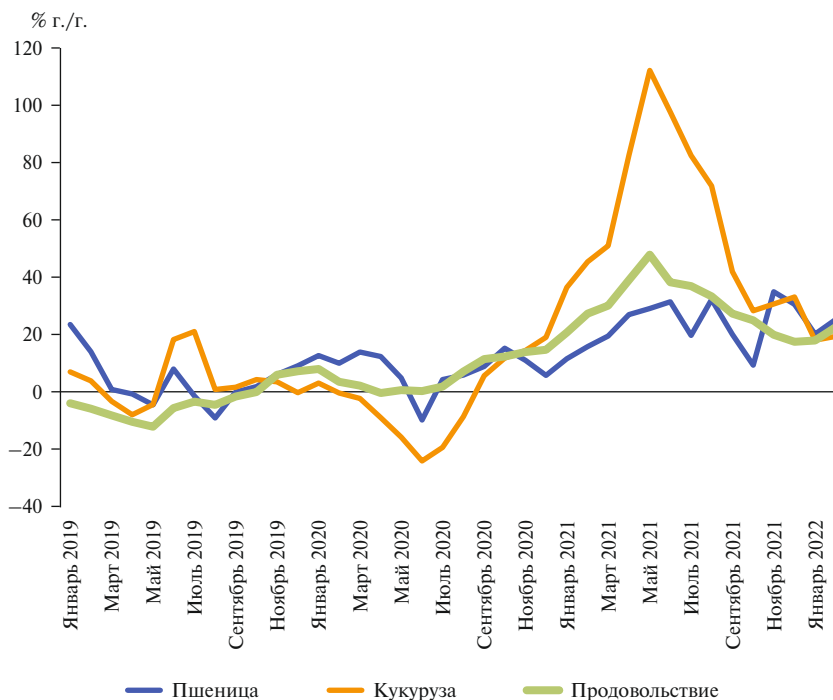

Рис. 1.6. Изменение цен на продовольствие, % г./г.

Источник: Всемирный банк.

ответственно 4,3 и 4,0% в по сравнению с ростом на 5,9% в 2021 г. На степень снижения цен будут влиять уже существующие и будущие санкции против России на добычу нефти в России или продажу российской нефти на мировом рынке. Кроме того, динамика цен на нефть будет зависеть от степени реакции других производителей нефти на текущие цены на нефть, а также от влияния макроэкономических изменений на мировой спрос на нефть.

Пшеница. В структуру индекса цен на продовольствие включены зерновые, растительные масла и прочие продукты (мясо, сахар, бананы, апельсины). На долю зерновых в индексе приходится около 28% (в том числе 7% — на пшеницу и 11% — на кукурузу); динамика цен на них представлена на рис. 1.6.

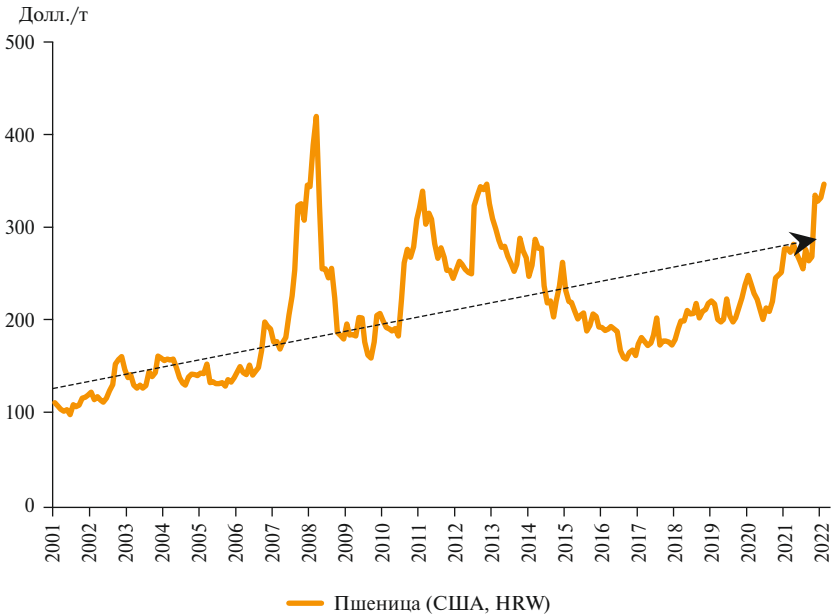

Рис. 1.7. Цены на пшеницу, долл./т

Источник: Всемирный банк.

Рост цен на пшеницу со второй половины 2020 г. (рис. 1.7) поддержали сокращение производства (из-за погодных условий) и более высокий, чем ожидалось, спрос на корма. Цены вернулись на тренд начала 2000-х годов (указано стрелкой). На 2022 г. предполагается умеренное расширение посевных площадей, поскольку более значительному их увеличению препятствуют высокие цены на производственные ресурсы. Совокупные запасы пшеницы в основных странах-экспортерах на конец сезона 2022 г., согласно февральскому прогнозу FAO (Food and Agriculture Organization of the United Nations), могут опуститься до минимального уровня (относительно мирового спроса) за последнее десятилетие. Рост геополитической напряженности в черноморском регионе вызвал беспокойство из-за перебоев с поставками пшеницы на мировой рынок и соответствующий рост цен. На Россию и Украину приходится примерно 30% мирового экспорта пшеницы.

За последние два десятилетия цены на пшеницу находились выше долгосрочного тренда (соответствует росту на 2–3% год) от одного года до четырех лет. Основными причинами роста цен были неурожаи, связанные с погодными условиями. В последние пять лет наблюдалась высокая аграрная инфляция в пределах 9–15% в год. Нынешний ценовой всплеск в значительной мере связан с перебоями поставок, ростом цен на топливо, удорожанием удобрений и фрахта. По мере решения этих проблем цены на пшеницу могут достаточно быстро (в течение 2023 г.) вернуться к среднесрочному тренду с пиковых значений в начале марта 2022 г. Срыв посевной кампании на Украине и проблемы с экспортом создают угрозу дефицита продовольствия в странах, которые являются крупнейшими импортерами украинской продукции. В этом случае процесс нормализации цен может затянуться до 2024 г. Углубление украинского кризиса способно привести к дальнейшему росту мировых цен на продовольствие до новых многолетних максимумов и дефициту зерновых в перспективе трех-пяти лет.

Рынок жилья в США. Пузырь на рынке жилья США продолжит раздуваться, подогреваемый ожидаемым ростом ставок. В результате устойчиво растут цены на аренду в составе инфляции.

Цены на жилье в США продолжают расти. Основными факторами роста являются ограниченное предложение, высокий спрос и низкие процентные ставки. Уровень жилищного фонда крайне низкий. Спрос подстегивается ожиданием роста ипотечных ставок в случае ужесточения денежно-кредитной политики (ДКП) ФРС США. По данным NAR (National Association of Realtors), предложение домов на продажу упало до рекордно низкого уровня, снизившись в январе текущего года на 16,5% по сравнению с прошлым годом. При нынешних темпах продаж этого запаса жилья хватит всего на 1,6 месяца (1,8 — для односемейных домов, рис. 1.8). Это также рекордно низкий показатель: сбалансированным рынком считается поставка на срок от четырех до шести месяцев. В результате средние цены домов выросли за год более чем на 15% (рис. 1.9). Рост цен на жилье, по сути, угрожает доступности жилья. Хотя ставки по ипотечным кредитам ниже, чем годом ранее, выплаты по ним, напротив, выше из-за быстрого роста цен. Для устранения дефицита домов и роста предложения могут потребоваться годы. Рост ставок способен снизить спрос на жилье, который в значительной степени будет связан с постпандемийным

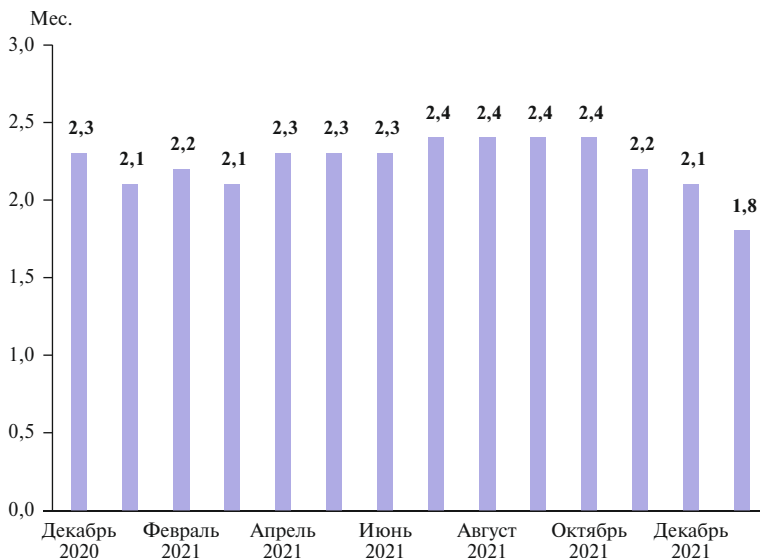

Рис. 1.8. Предложение односемейных домов на вторичном рынке США, мес.

Источник: NAR.

сдвигом в части повышения гибкости рабочих мест, позволяющей потенциальным покупателям расширить географические горизонты своего поиска жилья.

Ближайшие и более отдаленные перспективы. Как уже отмечалось, фактически ускорение инфляции оказалось гораздо более сильным, а главное, более продолжительным, чем ожидалось вначале. Это наглядно подтверждается еще и тем, что прогнозы инфляции, сделанные профессиональными прогнозистами (в США их в ежеквартальном режиме опрашивает Резервный банк Филадельфии), постоянно корректировались в сторону повышения (табл. 1.3). При этом подобного рода поправки в основном касались того квартала, в середине которого проводился опрос, а также следующего за ним. Однако даже уточненные прогнозы постоянно не дотягивали до факта, иногда (например, в IV квартале 2021 г.) весьма значительно. Тем не менее консенсус-прогноз продолжал (и продолжает) указывать на предстоящее — хотя и постоянно

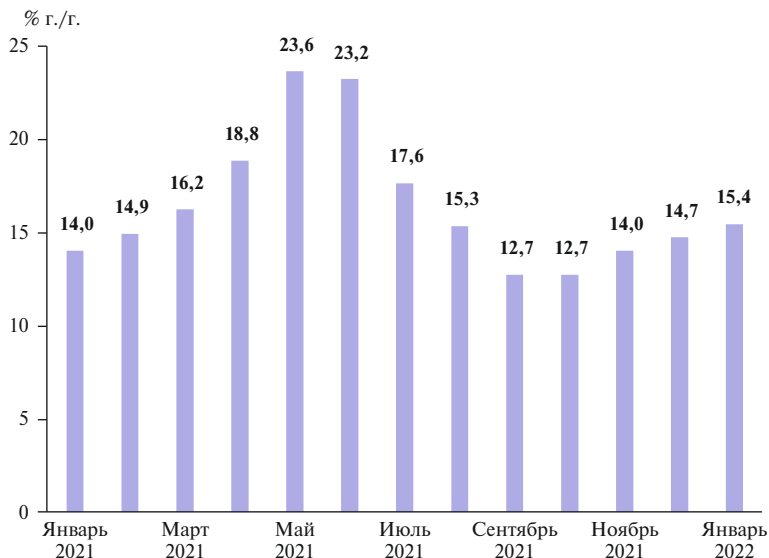

Рис. 1.9. Стоимость домов на вторичном рынке США, % г./г.

Источник: NAR.

отодвигаемое все дальше в будущее — завершение периода ускоренного роста цен и возвращение к темпам 2,2–2,5% в перспективе пяти кварталов.

В качестве прогнозного индикатора инфляции для США можно использовать и некоторые другие показатели, например, инфляционные ожидания домохозяйств, которые рассчитываются на основе опросов Мичиганского университета. Сейчас они составляют около 5% на срок «через 12 месяцев» (рис. 1.10), т.е. почти в 2 раза выше консенсус-прогноза профессиональных прогнозистов. Тем не менее, во-первых, это существенно ниже текущих темпов инфляции (7,9% по итогам февраля), а во-вторых, с мая прошлого года, т.е. в течение последних девяти месяцев, не наблюдается ускоренного роста ожиданий, подобного тому, который имел место в начале 2021 г. Конечно, пока нет и снижения этих ожиданий. Но можно предположить, что обещанная серия повышений ставки ФРС, усиленная последующим (и также уже объ-

Таблица 1.3. США: прогнозы прироста ИПЦ (по опросам профессиональных прогнозистов), % г./г.

Дата опроса	Прогнозный период									
	21QI	21QII	21QIII	21QIV	22QI	22QII	22QIII	22QIV	23QI	23QII
12.02.2021	2,5	2,1	2,1	2,2	2,2	—	—	—	—	—
14.05.2021	—	3,2	2,6	2,4	2,3	2,2	—	—	—	—
13.08.2021	—	—	5,2	2,6	2,2	2,3	2,4	—	—	—
15.11.2021	—	—	—	4,6	3,0	2,6	2,5	2,4	—	—
11.02.2022	—	—	—	—	5,5	3,8	2,7	2,7	2,5	—
Факт	2,6	5,4	5,4	7,0	—	—	—	—	—	—

Источники: Philly Fed; IMF.

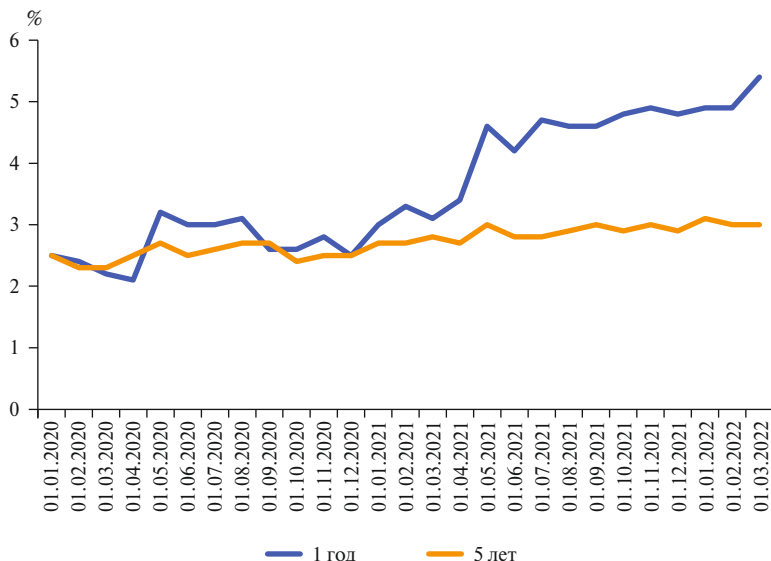

Рис. 1.10. Инфляционные ожидания домохозяйств США на один год и на пять лет вперед, %

Источники: University of Michigan; TradingEconomics.com.

явленным) постепенным сокращением портфеля госбумаг, находящихся на балансе ФРС, сначала затормозит рост инфляции, а затем приведет к постепенному снижению как инфляции, так и инфляционных ожиданий.

Что касается долгосрочных (на пять лет) инфляционных ожиданий домохозяйств США, то они по-прежнему достаточно хорошо заякорены: их рост за весь 2021 г. составил не более 0,5 п.п. Примерно такой же прирост показал консенсус-прогноз среднегодового (за следующие десять лет) ИПЦ, рассчитанный по уже упомянутым опросам профессиональных прогнозистов Резервного банка Филадельфии: в I квартале 2020 г. он был равен 2,2%, спустя год оказался на том же самом уровне, а в I квартале 2022 г. поднялся до 2,5%.

В Еврозоне опросы профессиональных прогнозистов проводит ЕЦБ. Участники этих опросов не дают оценок поквартальной

Таблица 1.4. Еврозона: прогнозы прироста гармонизированного ИПЦ (по опросам профессиональных прогнозистов), % г./г.

Дата опроса	Прогнозный период					
	2021	2022	2023	2024	2025	2026
22.01.2021	0,9	1,3	1,5	1,3	1,4	—
23.04.2021	1,6	1,3	1,5	1,3	1,4	—
23.07.2021	1,9	1,5	1,5	1,4	1,5	—
29.10.2021	2,3	1,9	1,7	1,7	1,7	—
04.02.2022	—	3,0	1,8	1,9	1,8	1,8
Факт	5,0	—	—	—	—	—

Источники: ECB; IMF.

динамики инфляции, они делают только прогнозы годового прироста потребительских цен (табл. 1.4). Поэтому динамику консенсус-прогнозов по Еврозоне нельзя непосредственно сравнивать с консенсус-прогнозами по США. Однако качественно результаты здесь примерно те же: прогнозы на текущий и отчасти следующий год постоянно пересматриваются в сторону повышения, но все равно отстают (для 2021 г. это уже совершенно очевидно) от фактической динамики; достижение умеренной инфляции (ниже 2% в год) все время отодвигается в будущее (вплоть до IV квартала прошлого года оно ожидалось уже в 2021 г., в I квартале текущего года сдвинулось на 2023 г.). Тем не менее ничего похожего на инфляционную спираль в прогнозах профессиональных прогнозистов не проглядывает. Инфляционные ожидания на перспективу пяти лет стабильно остаются ниже 2%. Медиана инфляционных ожиданий потребителей на два и три года (недавно инициированный ЕЦБ опрос по шести крупнейшим странам Еврозоны) тоже составляет 2% в год⁴.

Таким образом, на горизонте от одного года до трех лет и даже от пяти до десяти лет можно ожидать, что инфляция не выйдет из-

⁴ См.: ECB Consumer Expectations Survey: an overview and first evaluation. ECB Occasional Paper Series. No. 287. December 2021. P. 60. <<https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpops/ecb.op287~ea7eebc23f.en.pdf>>.

под контроля и вряд ли «в среднем» будет выше 2–2,5% в год. Однако пандемия COVID-19 инициировала или ускорила некоторые структурные изменения, которые в перспективе десятилетий также могут влиять на темпы роста цен. К числу наиболее существенных тенденций относятся:

- трансформация глобальных цепочек стоимости, в том числе на основе рещоринга, т.е. возврата промышленных производств из развивающихся стран в развитые, с заметным увеличением вклада обрабатывающей промышленности и комплементарной ей сферы услуг в производство ВВП;
- ускоренное развитие секторов, связанных с активизацией энергоперехода, ESG и «зеленой» повесткой. ЕС запустил программу «Европейский зеленый курс» и стремится к достижению углеродной нейтральности к 2050 г.; этот же временной рубеж обозначен в качестве цели в США. Китай намерен перейти к углеродной нейтральности к 2060 г.

Эти структурные изменения фактически инициированы внеэкономическими факторами (карантинными ограничениями, которые вызвали трудноразрешимые логистические проблемы, и формированием долго вызревавшего международного консенсуса относительно необходимости борьбы с глобальным изменением климата). Уже поэтому они неизбежно связаны с дополнительными издержками и в этом смысле носят проинфляционный характер.

Вместе с тем избыточные производственные мощности в стратегических секторах и конкурентоспособная обрабатывающая промышленность, в которой доминируют частные фирмы, будут сдерживать ценовое давление. Снижение энергоемкости мировой экономики за счет повышения энергоэффективности производства и потребления станет одним из факторов сокращения спроса на сырую нефть и нефтепродукты в среднесрочной перспективе. Этому будут способствовать масштабные инвестиции, удешевление и доступность новых технологий, а также скорость их внедрения. Все вышеназванное приведет к формированию понижительной ценовой тенденции на рынке нефти. Поэтому существенных дополнительных рисков для устойчивого долговременного роста мировой экономики в низкоинфляционной среде ни рещоринг, ни постепенное наращивание доли возобновляемых источников энергии в себе не несут.

2. ФАКТОРЫ УСКОРЕНИЯ ИНФЛЯЦИИ В РОССИИ

Протекание инфляционного эпизода. Обсуждение факторов ускорения инфляции в процессе текущего инфляционного эпизода целесообразно предварить рассмотрением его протекания. Краткосрочные тенденции российской инфляции иллюстрируют рис. 2.1, 2.2, на которых показана сезонно скорректированная динамика аннуализированных¹ темпов прироста официальных индексов потребительских цен по отношению к предыдущему месяцу по всем товарам и услугам в целом, а также отдельно по трем укрупненным товарным группам.

С начала пандемии коронавируса в динамике российской инфляции выделяются следующие заметные события. В марте-апреле 2020 г., т.е. накануне и в самом начале локдауна, наблюдался кратковременный резкий всплеск темпов инфляции (рис. 2.1), обусловленный в основном скачком цен на продовольственные товары (рис. 2.2). Этот всплеск, вызванный ажиотажным спросом населения в условиях ошутимой неопределенности, утих столь же быстро, как и возник, когда появилась ясность относительно жизни в условиях самоизоляции. Вместе с тем он показал возможный масштаб роста цен на потребительском рынке в случае возникновения на нем ажиотажного спроса. К годовой инфляции он добавил около 1 п.п., не повлияв на краткосрочные тенденции динамики потребительских цен.

Смена тенденции произошла в ноябре 2020 г., когда темпы инфляции заметно ускорились. Локомотивом, как и весной, оказались цены на продовольственные товары. Постепенно вслед за ними начали увеличиваться и темпы роста цен на непродовольственные товары (рис. 2.2). Одной из причин последнего можно считать снижение обменного курса рубля в начале весны. При

¹ Аннуализированный темп прироста показывает, каким был бы годовой темп прироста, если бы на протяжении 12 месяцев темпы прироста по отношению к предыдущему месяцу были бы такими же, как в текущем месяце. Не следует путать этот показатель с широко используемым показателем темпа прироста за последние 12 месяцев, применение которого для анализа краткосрочных тенденций не является корректным.

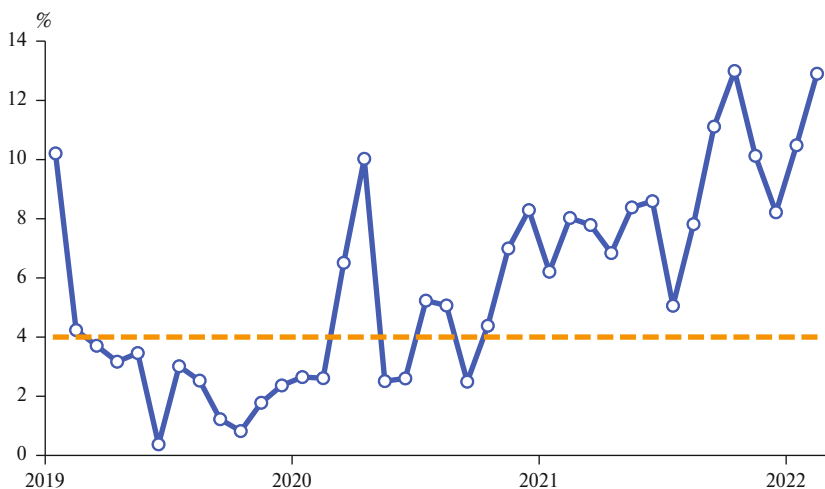

Рис. 2.1. Индекс потребительских цен (проведена сезонная корректировка, аннуализированные данные), % к предыдущему месяцу

Источник: Рассчитано по данным Росстата.

этом тарифы на платные услуги населению, как всегда во время российских эпизодов ускорения инфляции, сыграли роль якоря. Это обусловлено тем, что многие тарифы регулируются государством, которое заинтересовано в стабильной и предсказуемой динамике цен, а также тем, что именно спрос на услуги более всего снизился во время коронакризиса, особенно в его начальный период.

Последующие месяцы не внесли кардинальных изменений в эту картину. Июльское (2021 г.) сезонное замедление темпов инфляции оказалось несколько более значительным, чем можно было ожидать. Видимо, сыграли роль принятые меры по сдерживанию роста цен на продовольственные товары, а также менее существенная индексация регулируемых тарифов (рис. 2.2), традиционно проводимая также в июле. Меньший масштаб индексации может быть обусловлен тем, что произошедшее ускорение темпов инфляции не было учтено при планировании ее величины. После этого в сентябре-октябре наблюдался резкий рост цен на продо-

2. Факторы ускорения инфляции в России

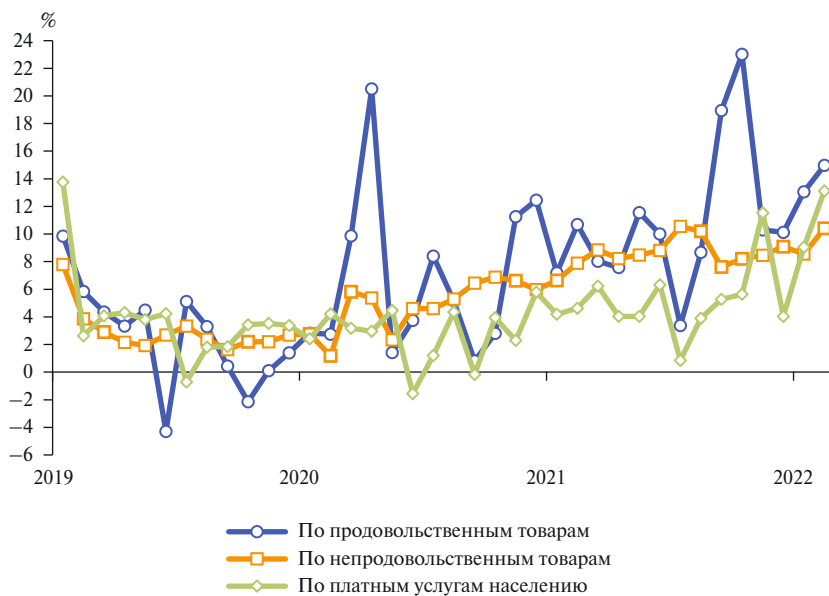

Рис. 2.2. ИПЦ по продовольственным товарам, непродовольственным товарам и платным услугам населению (проведена сезонная корректировка, аннуализированные данные), % к предыдущему месяцу

Источник: Рассчитано по данным Росстата.

вольственные товары (рис. 2.2), похожий на тот, который отмечался во время весеннего ажиотажа 2020 г. Его можно связывать как с проведенными накануне сентябрьских парламентских выборов выплатами пенсионерам, семьям с детьми и военным, так и с не вполне типичной сезонностью производства продукции сельского хозяйства осенью 2021 г. В ноябре 2021 г. — январе 2022 г. темпы прироста потребительских цен снова снизились, приблизившись к тем, которые установились при смене тенденции в ноябре 2020 г. (рис. 2.1, 2.2). Таким образом, к январю 2022 г. в целом сохранялась сформировавшаяся более года назад тенденция, соответствующая годовым приростам ИПЦ, находящимся в интервале 8–10%. На этом фоне наблюдались кратковременные флуктуации, обусловленные описанными причинами. Закреплению данной тенденции

способствовала индексация пенсий и других выплат, произведенная в начале 2022 г. в соответствии с темпами инфляции.

В конце февраля 2022 г. ситуация вновь изменилась в связи с событиями на Украине. В помесечной динамике показателей это пока отразилось незначительно (рис. 2.1, 2.2), но первые появившиеся оценки недельной инфляции определенно указывают на многократное ускорение темпов прироста ИПЦ. С одной стороны, это обусловлено очередным ажиотажем на российском потребительском рынке, подобным тем, которые наблюдались зимой 2014–2015 гг. и весной 2020 г., а с другой — может свидетельствовать и о начале формирования новой тенденции ускорения инфляции. Ответ на вопрос о том, в какой мере начинающийся всплеск инфляции обусловлен обычным ажиотажем, не влияющим на инфляционные тенденции, а в какой — сменой тенденции, мы получим не ранее чем через несколько месяцев.

Следует отметить, что во время коронакризиса произошло резкое расхождение тенденций роста ИПЦ по укрупненным товарным группам, которое обычно не наблюдается в спокойные периоды экономического развития. С весны 2020 г. локомотивом российской инфляции определенно стали цены на продовольственные товары, с этого же времени ускорился рост цен на непродовольственные товары, стабилизировавшийся весной 2021 г. Вместе с тем рост тарифов на платные услуги населению заметно отстает от них (рис. 2.2).

При построении российского ИПЦ практически не учитываются цены на жилье (фактическая и вмененная арендная плата), тогда как в наиболее развитых странах они являются исключительно важной составляющей индексов потребительских цен. Если бы в этом отношении российский ИПЦ был сопоставим с аналогами из таких стран, мы бы определенно имели иную картину протекания анализируемого и грядущего инфляционных эпизодов.

Темпы инфляции отличаются высокой волатильностью, а их тенденции — непостоянством, что хорошо видно на рис. 2.1, 2.2. Инфляция может весьма быстро и существенно ускориться, а может столь же быстро замедлиться. Известно также, что чем выше темпы инфляции, тем более они волатильны. Все это следует иметь в виду при обсуждении перспектив протекания инфляционного эпизода.

Внутренние и внешние факторы ускорения инфляции. Ограничения, введенные весной 2020 г., привели к снижению производства услуг и перераспределению потребительского спроса в пользу внутреннего рынка. На некоторое время резко сократилось производство услуг для физических лиц, в особенности услуг общественного питания. Одновременно значительно уменьшился объем услуг выездного туризма, который полностью так и не восстановился. Снизились расходы населения, связанные с получением доходов (транспорт, питание вне дома, одежда и т.п.). В результате у части населения сформировались вынужденные сбережения (своего рода денежный навес), которые выплеснулись на внутренний рынок, способствуя ускорению роста цен. Это проявилось в резком росте спроса на жилье, услуги внутреннего туризма, товары длительного пользования, компьютеры, мебель, строительные материалы. Одновременно государство начало оказывать поддержку населению и бизнесу, чтобы смягчить последствия коронакризиса. Такая поддержка в виде мер денежно-кредитной, налоговой политики, а кроме того, в виде прямых выплат отдельным группам населения также привела к увеличению спроса в экономике, что внесло дополнительный вклад в рост цен (как и в ускорение восстановительного подъема). Все это — внутренние факторы ускорения инфляции во время коронакризиса. Если бы эпидемия затронула лишь нашу страну, а не весь мир, то мы все равно столкнулись бы с заметными инфляционными последствиями.

Постепенно все большее влияние на динамику цен в российской экономике стали оказывать внешние факторы. Они были обусловлены, в частности, мерами поддержки населения и бизнеса в наиболее развитых странах, несопоставимо более значительными по масштабу, чем аналогичные российские меры. Это со временем привело к росту мировых цен на многие товары и услуги. Росту цен способствовали и эффекты дезорганизации в мировой экономике, порожденные пандемией, такие как сбои производства, вызванные разрывами цепочек поставок в силу возникших логистических проблем. Такого рода эффекты не являются типичными для обычных кризисных ситуаций, но коронакризис отличается тем, что в его основе лежат шоки неэкономической природы. В России к этому добавились проблемы с привлечением трудовых мигрантов, связанные с ограничениями на перемещение рабочей силы в условиях пандемии, что привело к росту издержек в ряде

секторов экономики, а также к дополнительному перераспределению спроса в пользу внутреннего рынка, поскольку средства, которые мигранты не заработали и не перевели на родину, остались в российской экономике.

Таким образом, развитие текущего российского инфляционного эпизода определяется несколькими группами факторов, состав и влияние которых со временем изменяются. Факторы со стороны предложения обусловлены локдауном весны 2020 г. и прочими связанными с пандемией ограничениями, а также неспособностью производства угнаться за ростом спроса во время стремительного восстановления. Они привели к формированию у части населения вынужденных сбережений, денежного навеса.

К факторам со стороны спроса можно отнести антикризисные меры государственной поддержки в России и за рубежом, смягчившие социальные последствия и глубину экономического спада, но внесшие свой вклад в ускорение инфляции. К этой же группе относится и специфический («коронакризисный») рост спроса на продукцию и услуги ряда секторов экономики: лекарственные средства и материалы, компьютеры, холодильники, стиральные машины, мебель, стройматериалы, торговлю через интернет, услуги доставки и т.п.

Третью группу составляют факторы, которые связаны с вызванной пандемией дезорганизацией. В мировой экономике возникли серьезные логистические проблемы, участились случаи нарушения цепочек поставки продукции. В российской экономике ограничения мобильности рабочей силы привели к дефициту трудовых мигрантов. С одной стороны, это влечет повышение издержек на труд, а с другой — дальнейшее увеличение денежного навеса. И то, и другое способствует росту цен. Эпизоды ажиотажного спроса (как накануне введения режима самоизоляции весной 2020 г.) вносят свой вклад в инфляционные процессы (рис. 2.1) и приводят к формированию соответствующих ожиданий.

Еще одна группа включает факторы, не связанные с пандемией, но влияющие на развитие инфляционных процессов. Это — образовавшиеся дисбалансы на мировом рынке энергоносителей, холодная зима, проблемы с урожаем, торговые войны, долгосрочные изменения климата и вызванная ими «зеленая» повестка. Наконец, важнейшим новым фактором является обострение международной напряженности, проявившееся в событиях на Украине.

Вся совокупность перечисленных факторов содействовала формированию значительного денежного навеса у части российского населения и перераспределению спроса в пользу внутреннего рынка за счет внешнего. Это привело к росту спроса на российскую недвижимость (который подхлестнула и программа льготной ипотеки), а также на продукцию и услуги некоторых секторов экономики. Ускорению инфляции способствует и рост издержек в ряде секторов, связанный как с ограничениями мобильности рабочей силы, так и с логистическими проблемами в мировой экономике. Рост мировых цен на продовольственные и сырьевые товары обусловлен, в частности, масштабными мерами антикризисной поддержки в ведущих экономиках, а кроме того, начавшимся интенсивным восстановлением мировой экономики.

На начальной стадии коронакризиса ускорение роста цен в российской экономике определялось в основном внутренними факторами, тогда как к началу 2022 г. баланс изменился и все большую роль здесь стали играть внешние факторы.

Рост инфляционных ожиданий. Потребительские настроения. Реакция Банка России. Ускорение ценовой динамики, начавшееся в IV квартале 2020 г., не осталось незамеченным потребителями, и к началу 2021 г. показатели ожидаемой населением инфляции существенно увеличились. В декабре 2020 г. медианная оценка перспектив роста цен в 2021 г. выросла до 11,5% (рис. 2.3). Потребительские настроения при этом оставались в значительной степени подавленными: в декабре 2020 г. соответствующий индекс лишь немного превысил значение ноября (рис. 2.4) — за счет улучшения ожиданий развития экономики страны в ближайшей и среднесрочной перспективе, а также перспектив изменения личного благосостояния. Оценка же текущей ситуации, и в частности благоприятности времени для крупных покупок, снизилась до минимальных значений с 2016–2017 гг.

В данных условиях Центральный банк Российской Федерации продолжал сохранять ключевую ставку неизменной на уровне 4,25%, связывая ускорение инфляции с действием краткосрочных и разовых факторов, в том числе с продолжением переноса в цены произошедшего ранее ослабления рубля. Регулятор отмечал, что данные факторы могут оказывать более длительное повышательное влияние на цены на фоне роста инфляционных ожиданий, а также ограничений со стороны предложения, однако сохранял

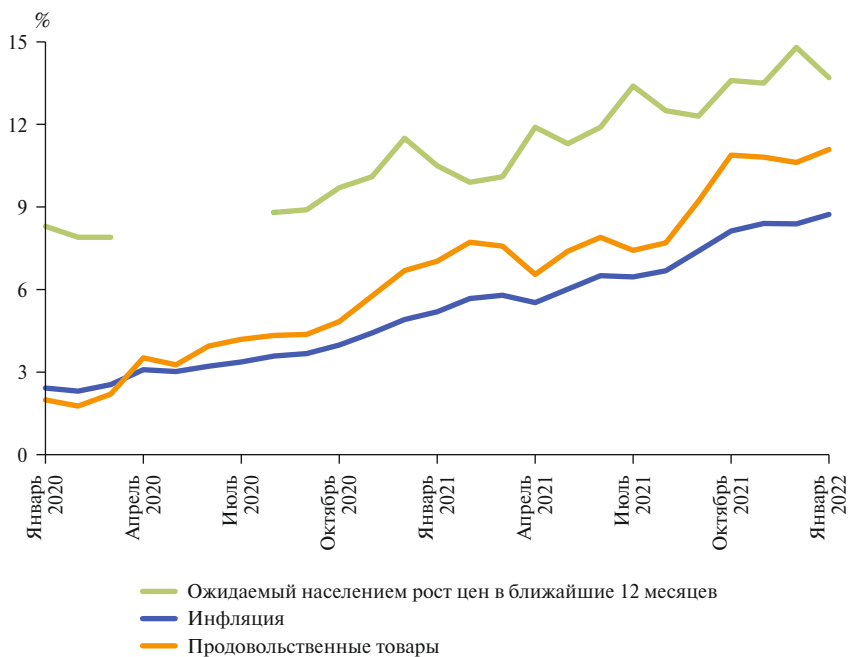

Рис. 2.3. Представления населения об инфляции и индикаторы роста цен, % годовых

Источники: Банк России; инфОМ; CEIC Data (Росстат); расчеты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

неизменным свой прогноз по инфляции на 2021 г. на уровне 3,5–4,0%. При этом ожидания участников рынка, согласно опросу аналитиков, проводимому Институтом «Центр развития» НИУ ВШЭ, находились ближе к нижней границе данного диапазона и составляли 3,6%, предполагая существенное замедление инфляции после I квартала 2021 г.² Пресс-релиз по итогам заседания Совета директоров Банка России в декабре 2020 г. также содержал в себе относительно мягкий сигнал об оценке потенциала для дополни-

² Собственный прогноз Института «Центр развития» НИУ ВШЭ по инфляции на конец 2021 г. на тот момент составлял 4,0–4,2%.

2. Факторы ускорения инфляции в России

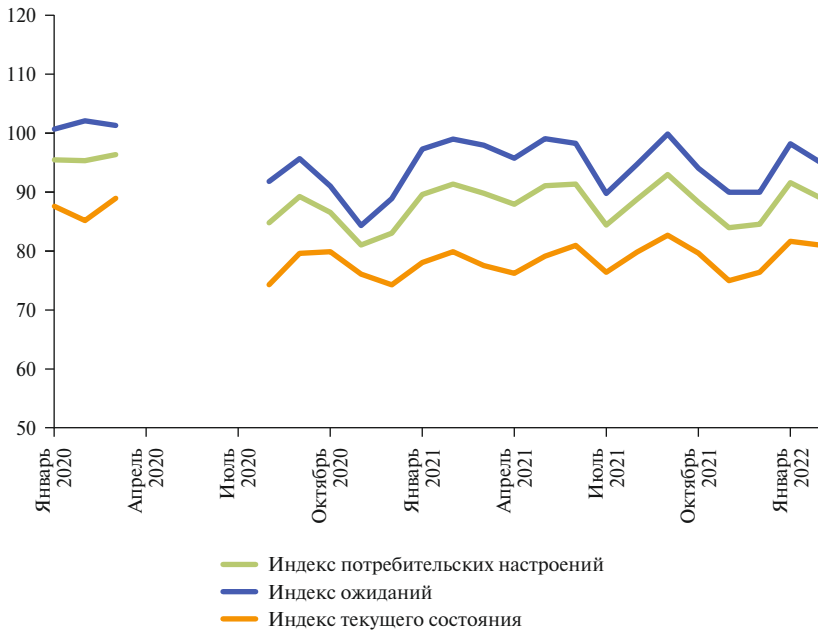

Рис. 2.4. Индикаторы потребительских настроений, пунктов

Источник: инФОМ.

тельного снижения ключевой ставки на последующих заседаниях в 2021 г.

В I квартале 2021 г. ценовые настроения граждан стабилизировались, хотя и на повышенных уровнях: ожидаемые в течение ближайших 12 месяцев темпы прироста цен сохранялись в диапазоне 10–10,5%. При этом ситуация с потребительской уверенностью характеризовалась значительным улучшением, которое объяснялось сильным пересмотром вверх ожиданий перспектив развития страны, а также изменения личного материального положения в ближайший год. Тем не менее оценка текущей ситуации и благоприятности времени для крупных покупок оставалась достаточно сдержанной.

По итогам февральского заседания по ключевой ставке Банк России указывал на более быстрое и устойчивое восстановление

спроса при сохраняющихся ограничениях со стороны предложения, а также инфляционном давлении со стороны издержек предприятий, связанных с более продолжительным переносом обменного курса и расценок на мировых товарных рынках в локальные прайс-листы. Несмотря на это, ключевая ставка была сохранена на прежнем уровне, при сдвиге прогнозного диапазона по инфляции на конец года вверх до 3,7–4,2% и новом сигнале об изучении сроков и темпов возврата к нейтральной ДКП с учетом неоднородных тенденций в экономике.

В конце I квартала Банк России впервые принял решение о повышении ключевой ставки на 25 базисных пунктов, до 4,5%, с сигналом о возможности дальнейшего ее повышения на ближайших заседаниях с целью возвращения к нейтральной ДКП. Регулятор признавал, что инфляция складывается выше его прогноза, а возвращение к цели по инфляции в 4% ожидается лишь в первой половине 2022 г. Устойчивое восстановление внутреннего спроса, по мнению Банка России, усиливалось ограничениями на зарубежные поездки и переориентацией соответствующих ресурсов на потребление на внутреннем рынке, при наличии факторов со стороны предложения, сдерживающих наращивание выпуска ряда товаров. При этом консенсус-прогноз независимых аналитиков на 2021 г. вырос лишь до 3,9%³. Фактически, учитывая лаг монетарной политики в три-шесть кварталов, оценку долгосрочного нейтрального диапазона реальной ключевой ставки в 1–2% и поквартальные данные опроса экспертов, можно утверждать, что ДКП, несмотря на повышение, сохранила мягкий и стимулирующий характер, поскольку реальная ставка с учетом прогнозируемой инфляции осталась, по сути, неизменной.

Во II квартале ценовые настроения граждан резко ухудшились: ожидания роста цен в ближайшие 12 месяцев увеличились до 11,9%. Одновременно произошло существенное улучшение потребительских настроений, особенно в части оценок текущего состояния. Благоприятность времени для крупных покупок к концу квартала стала оцениваться как наилучшая с начала пандемии, что подкреплялось ожидаемыми и фактическими изменениями ситуации с уровнем производства и безработицей. Кроме того, пер-

³ Собственный прогноз Института «Центр развития» НИУ ВШЭ по инфляции на конец 2021 г. составлял на тот момент 4,2–4,4%.

спективы начавшегося цикла ужесточения монетарной политики Банка России и сворачивания широкомасштабных льготных программ на жилищном рынке практически привели к реализации эффектов второго порядка: домохозяйства стремились получить заимствования и потратить их на приобретение товаров и услуг до повышения ставок и роста цен.

Реагируя на возросшие риски, Банк России дважды за квартал повысил ключевую ставку до 5,5% (в апреле и июне суммарно на 100 б.п.), последовательно усиливая сигнал о необходимости раннего возвращения к нейтральной ДКП. Вероятное отклонение инфляции вверх от цели оценивалось регулятором как более существенное и продолжительное, а прогноз на 2021 г. был повышен до 4,7–5,2%⁴. Тем не менее реальное значение ключевой ставки, несмотря на оба повышения, в среднем оставалось на нижней границе диапазона нейтральности.

В III и IV кварталах 2021 г. инфляционные ожидания продолжили ухудшаться: после скачкообразного изменения в июле оценка роста цен в ближайшей перспективе закрепились на уровне 12,5–13,5% с ухудшением в декабре до 14,8%. Динамика потребительских настроений в этих условиях была разнонаправленной: в III квартале, после просадки в июле, индекс потребительских настроений продолжил расти за счет улучшения ожиданий и оценки текущей ситуации, достигнув максимума в сентябре. Напротив, в IV квартале наблюдалось падение как в целом, так и по субагрегатам.

Банк России продолжил ужесточать денежно-кредитную политику как в части ключевой ставки, принимая решения о ее повышении 4 раза до 8,5% (суммарно на 300 б.п.), так и относительно сигнала участникам рынка. Прогноз по инфляции на конец 2021 г. также был повышен до 5,7–6,2% в июле и 7,4–7,9% в октябре⁵. Характер монетарной политики в этих условиях окончательно стал сдерживающим: средняя ключевая ставка по кварталам в

⁴ Консенсус-прогноз независимых аналитиков, опрашиваемых Институтом «Центр развития» НИУ ВШЭ, составил 4,7%. Собственный прогноз по инфляции на конец 2021 г. составлял на тот момент 5,4–5,6%.

⁵ Консенсус-прогнозы независимых аналитиков, опрашиваемых Институтом «Центр развития» НИУ ВШЭ, в указанных месяцах составляли 5,8 и 7,7% соответственно. Собственный прогноз — 6,4 и 7,6%.

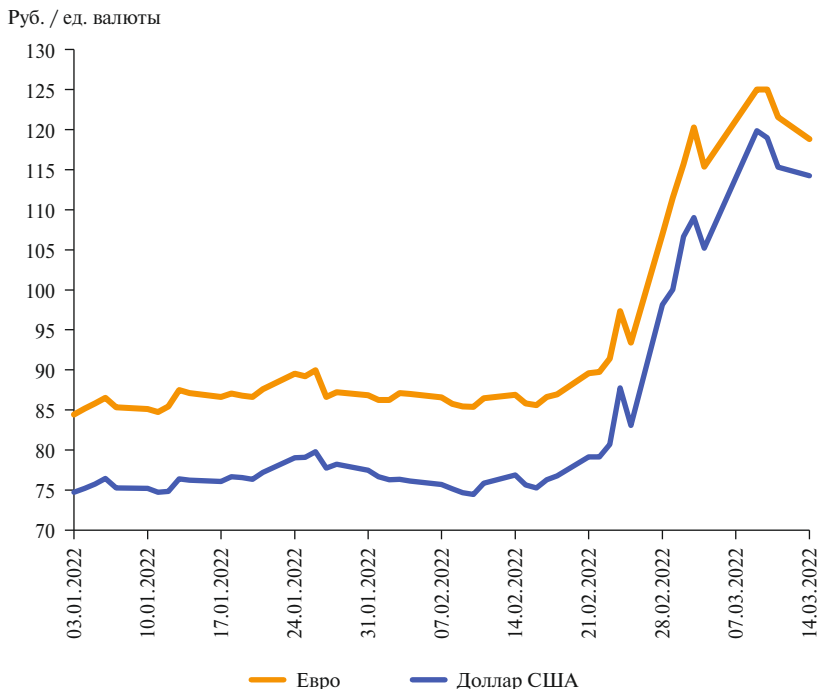

Рис. 2.5. Курсы доллара США и евро, руб. / ед. валюты

Источник: Московская Биржа.

реальном выражении переместилась выше диапазона нейтральности.

В начале 2022 г. ожидания населения несколько улучшились: оценка инфляции на горизонте ближайших 12 месяцев в январе-феврале снизилась суммарно на 1,3 п.п. и составила 13,5%. Кроме того, практически впервые с 2021 г. уменьшилось количество упоминаний о сильном росте цен на отдельные товары и услуги. Потребительские настроения также улучшались, хотя в феврале они несколько скорректировались за счет понижения ожиданий перспектив развития страны и изменения личного материального положения. Однако указанные опросы были проведены до украинского кризиса. Учитывая произошедшую девальвацию руб-

2. Факторы ускорения инфляции в России

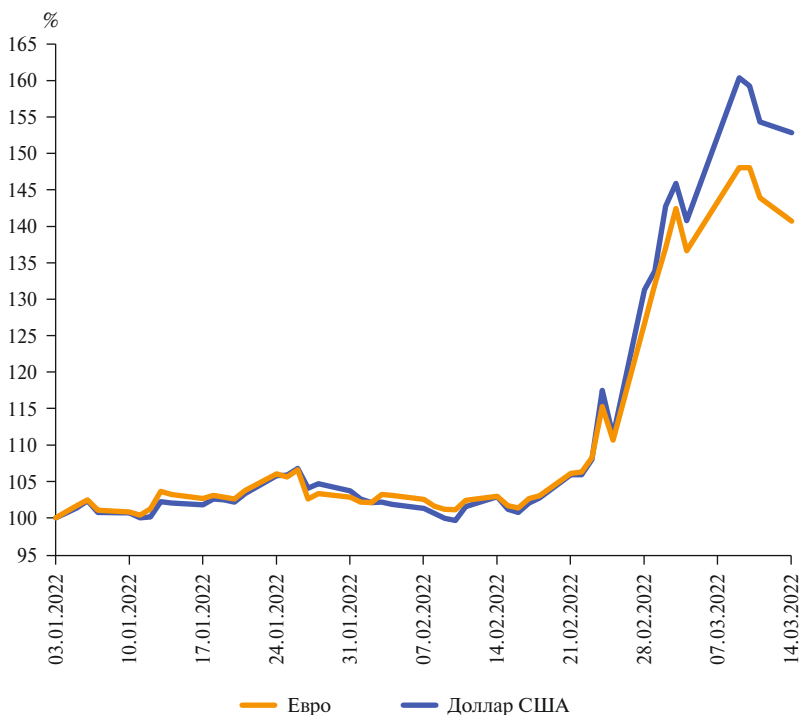

Рис. 2.6. Динамика курсов доллара США и евро (100 = 03.01.2022), %

Источники: Московская Биржа; расчеты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

ля (рис. 2.5, 2.6), запрет или приостановку поставок широкого круга импортных товаров, а также временное «замораживание» деятельности значительного количества филиалов иностранных компаний в России, можно прогнозировать существенное ухудшение инфляционных ожиданий и потребительских настроений.

В сложившихся условиях Банк России принимает меры, направленные на поддержание устойчивости и бесперебойного функционирования отечественной финансовой системы, включая повышение ключевой ставки. По-видимому, возвращение Банка России к инфляционному таргету потребует продолжительного времени, а также более высокого уровня ставок в среднем. Кро-

ме того, структурные изменения в экономике и реакция со стороны инфляционных ожиданий наверняка приведут к пересмотру вверх диапазона долгосрочной нейтральной ключевой ставки для нашей страны. Тем не менее указанные вызовы и сложности, на наш взгляд, не должны являться поводом для отказа от режима инфляционного таргетирования: лишь его последовательная имплементация позволит стабилизировать темпы роста цен и создать предпосылки для устойчивого роста экономики в средне- и долгосрочном периоде.

3. ВЛИЯНИЕ ИНФЛЯЦИИ НА ДИНАМИКУ ДОХОДОВ И ПОТРЕБЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Основные проявления потребительской инфляции в 2020–2021 гг.

Потребительская инфляция в 2020–2021 гг. характеризовалась такими признаками, как:

- раскручивание. Снижение ИПЦ, наблюдавшееся как для продовольственных, так и для непродовольственных товаров и услуг в 2020 г. (г./г.), было результатом смены тренда на снижение квартальных индексов потребительских цен в 2019 г. на тренд их повышения в 2020 г.; еще больший размах раскручивание потребительской инфляции приобрело в 2021 г.;
- более высокие темпы продовольственной инфляции по сравнению с ИПЦ на непродовольственные товары и услуги. Похожая ситуация в среднем за год наблюдалась и в 2019 г., но тогда продовольственная инфляция в течение года снижалась; в 2020 г. она росла, что привело к принятию мер по сдерживанию роста цен на социально значимые продукты в конце 2020 г.¹ Рост цен на продукты питания (особенно если убрать из них алкоголь) был гораздо заметнее в 2021 г. Если в 2020 г. цены на борщевой набор росли еще не очень активно, то весной 2021 г. они начали расти быстрее, и июньский их всплеск² вызвал соответствующую реакцию не только правительства, но и Президента России;
- рост спроса на непродовольственные товары в 2021 г., который способствовал заметному повышению индекса потребительских цен на них;
- пониженные темпы роста цен на услуги по сравнению с товарами (рис. 3.1).

Если рассмотреть индексы цен на товары для наименее и наиболее обеспеченного населения, то цены на товары для наименее

¹ Постановление Правительства РФ от 15.07.2010 № 530 (ред. от 30.12.2020).

² Цена на свеклу в июне 2021 г. увеличилась в 3,1 раза по сравнению с декабрем 2020 г., на морковь — в 2,4 раза, на картофель — в 2 раза.

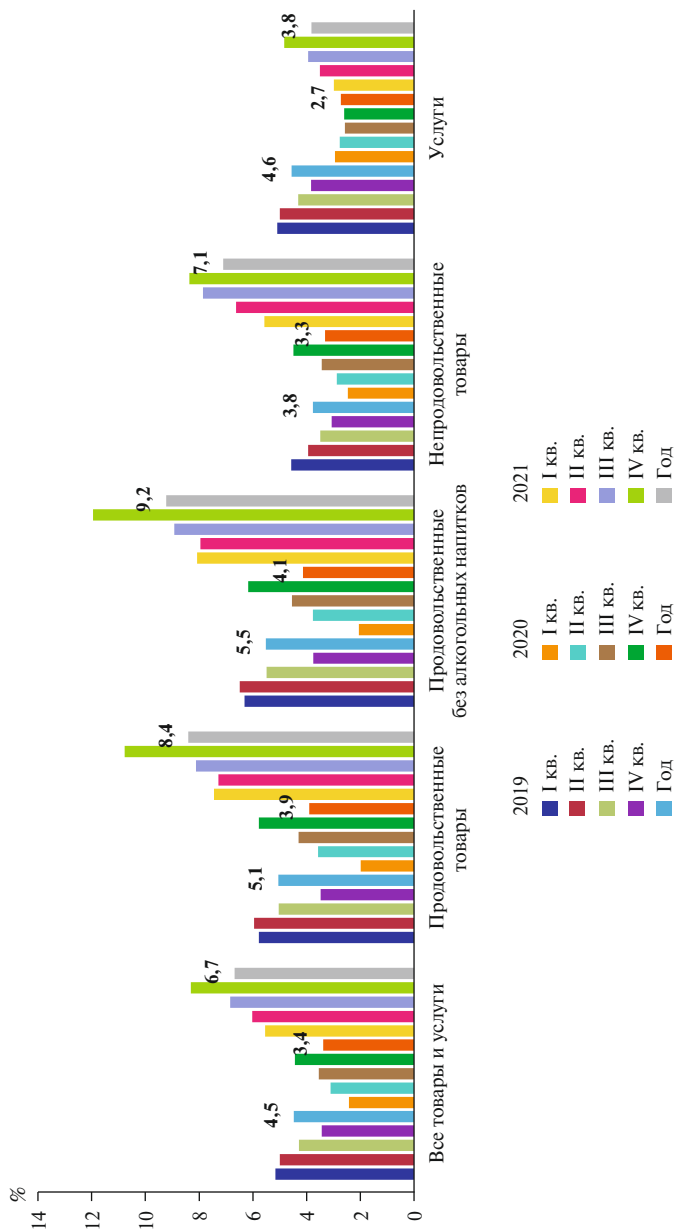

Рис. 3.1. Прирост квартальных и годовых потребительских цен в 2019–2021 г., период к соответствующему периоду предыдущего года, %

Источник: Расчеты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ по данным Росстата.

обеспеченных в 2020–2021 г. росли быстрее, чем на товары для наиболее обеспеченных³:

- разрыв в индексах цен на товары и услуги для наименее и наиболее обеспеченного населения был больше в 2020 г. (1,1 п.п.), чем в 2021 г., когда этот разрыв сократился до 0,5 п.п.;
- более значительный разрыв в 2020 г. наблюдался по продовольственной инфляции; в 2021 г. он вырос с 1,7 до 2,3 п.п.;
- по непродовольственным товарам, которые покупались наименее обеспеченным населением, в 2020 г. цены росли медленнее, чем на товары для наиболее обеспеченного населения; в 2021 г. отставание инфляции по непродовольственным товарам для наименее обеспеченного населения увеличилось;
- в 2020 г. ИПЦ на услуги, потребляемые наименее обеспеченным населением, рос быстрее, чем ИПЦ на услуги для наиболее обеспеченного населения; в 2021 г. ускорился рост цен на услуги для наиболее обеспеченного населения и замедлился — на услуги для наименее обеспеченного населения (рис. 3.2).

Доходы населения и их покупательная способность. Пандемия коронавируса и связанные с ней проблемы и ограничения в 2020 г. привели к резкому снижению доходов от предпринимательской деятельности и прочих денежных поступлений. Введение мер поддержки населения и бизнеса в условиях пандемии коронавируса поддержало оплату труда (помощь малому и среднему бизнесу, включая субсидии и кредиты на заработную плату, надбавки медицинским и социальным работникам и т.д.) и привело к заметному росту социальных трансфертов (выплаты семьям с детьми, повышение размеров пособия по безработице и т.д.)⁴. В результате среднедушевые номинальные доходы населения выросли в 2020 г. на 2,1%, и снижение среднегодового ИПЦ в 2020 г. по сравнению с 2019 г. на 1,1 п.п. (с 4,5 до 3,4%) привело к небольшому для такого

³ Под наименее обеспеченным населением здесь и далее понимается 1-й квинтиль населения с наименьшими располагаемыми ресурсами, под наиболее обеспеченными — 5-й квинтиль населения с наибольшими располагаемыми ресурсами.

⁴ Дооценка Росстатом доходов от собственности (+1 трлн руб.) за 2020 г., во многом связанная с оценкой полученных населением дивидендов, привела к росту доходов от собственности.

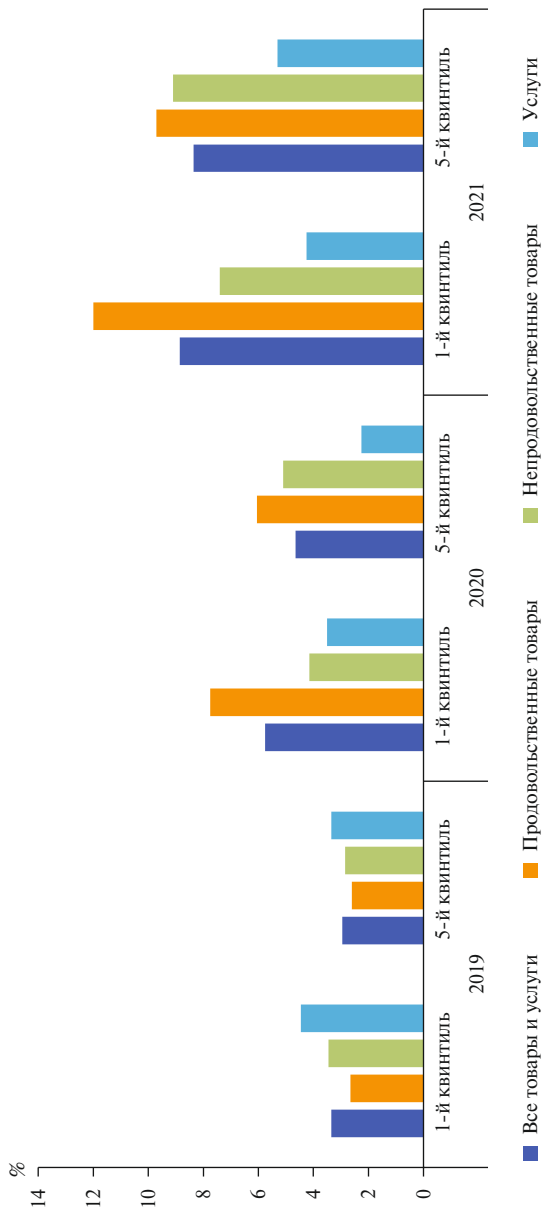

Рис. 3.2. Прирост индексов потребительских цен в 2019–2021 гг., декабрь к декабрю предыдущего года, %

Источник: Расчеты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ по данным Росстата.

3. Влияние инфляции на динамику доходов и потребления населения

Таблица 3.1. Динамика компонентов денежных доходов населения в 2020–2021 гг. в сопоставимых ценах, %

Компоненты	2020 к 2019	2021 к 2020	2021 к 2019
Денежные доходы, всего	–1,5	3,3	1,8
Доходы от предпринимательской деятельности	–13,2	17,3	1,8
Оплата труда, всего	–1,7	3,5	1,8
В том числе			
заработная плата работников организаций	2,2	2,4	4,6
Социальные выплаты	12,1	–1,0	11,0
Доходы от собственности	12,0	–7,3	3,8
Прочие денежные поступления	–21,2	10,6	–12,9

Источник: Расчеты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ по данным Росстата.

сложного периода сокращению реальных располагаемых доходов населения (–2%) (табл. 3.1).

Восстановительный экономический рост 2021 г. (4,7%) даже на фоне ускорения потребительской инфляции (8,4% в декабре 2021 г. по отношению к декабрю 2020 г. или 6,7% в среднегодовом исчислении) привел к росту реальных располагаемых доходов населения по сравнению как с 2020 г. (на 3,1%), так и с 2019 г. (на 1%). Сохранение стимулирующего характера бюджетной политики также внесло свой вклад в рост доходов населения в 2021 г.: по оценкам МВФ, дополнительные расходы и недополученные доходы бюджета в связи с реализацией фискальных мер для поддержки населения и бизнеса за девять месяцев 2021 г. составили 2% ВВП (в 2020 г. — 2,9%)⁵.

Быстрый прирост доходов населения в 2021 г. был характерен прежде всего для тех компонентов денежных доходов, по которым

⁵ Расчеты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ по оценкам МВФ (Fiscal Monitor Database of Country Fiscal Measures in Response to the COVID-19 Pandemic: January 2021 Database; October 2021 Database. <<https://www.imf.org/en/Topics/imf-and-covid19/Fiscal-Policies-Database-in-Response-to-COVID-19>>).

отмечалось наибольшее снижение в 2020 г. Реальная среднемесячная заработная плата увеличилась на 2,9% (в 2020 г. ее рост составил 3,8%). Реальная зарплата работников организаций выросла на 2,4%, вся оплата труда — на 3,5%.

Социальные выплаты в реальном выражении в 2021 г. снизились на 1%, что во многом определялось высокой базой 2020 г. Это снижение не смог компенсировать быстрый рост реального размера назначенных пенсий (+4,1%), который был связан с единовременной денежной выплатой пенсионерам 10 тыс. руб. в сентябре 2021 г. (в 2020 г. темп прироста реального размера пенсии составил 2,3%).

Доходы от собственности в 2021 г. показали заметное снижение по сравнению с 2020 г.

2020 г. характеризовался снижением покупательной способности доходов населения почти по трем четвертям основных продуктов питания (17 из 24). Рост цен на некоторые такие продукты был настолько значительным, что в 2020 г. по трети основных продуктов питания был достигнут минимум покупательной способности за период 2013–2020 гг. Среди этих продуктов — белый и ржаной хлеб, мука пшеничная, крупы, масло сливочное, рыба, баранина, яблоки и др.⁶

Снизилась покупательная способность доходов населения и по непродовольственным товарам, таким как одежда и обувь, стиральные машины и холодильники, компьютеры и автомобили. В 2020 г. был достигнут минимум покупательной способности денежных доходов населения по покупке жилья на первичном рынке в 2013–2020 гг.

В 2021 г., в силу высоких темпов продовольственной инфляции (9,2%⁷) и несмотря на принятие правительством мер по сдерживанию цен на социально значимые продукты питания, средний прирост покупательной способности денежных доходов населения по продуктам питания составил только 1,2%⁸, что, конечно, лучше,

⁶ 2020 г. был отмечен и максимумами покупательной способности денежных доходов населения за период 2013–2020 гг. — по таким продуктам, как свинина, куры, сахар, капуста, морковь.

⁷ На продовольственные товары (без алкогольных напитков) в среднегодовом исчислении.

⁸ Покупательная способность денежных доходов населения по всем товарам и услугам выросла на 3,6% в 2021 г. по сравнению с 2020 г.

чем снижение на 2% в 2020 г. В 2021 г. покупательная способность денежных доходов населения снизилась по половине основных продуктов питания. Если сравнить ситуацию с допандемийным 2019 г., то такое снижение в 2021 г. наблюдалось по трем четвертям основных продуктов питания. Особенно существенным оно было по картофелю, моркови, маслу подсолнечному, яйцам, сахару.

Потребление населения. Снижение покупательной способности денежных доходов населения по большому количеству продуктов питания в 2020 г. по сравнению с 2019 г. не означало снижения калорийности питания российского населения, количества потребляемых им белков, жиров и углеводов или потребления мяса, молока, овощей и фруктов.

Потребление основных продуктов в 2020 г. по сравнению с 2019 г.:

- выросло:
 - по мясу и мясным продуктам, молоку и молочным продуктам и яйцам на 1,5–1,8% в среднем у всего населения⁹, на 2,1–2,8% — у домохозяйств 1-го квинтиля;
 - по фруктам и ягодам на 1,7% у всего населения, на 1,2% — у домохозяйств 1-го квинтиля;
- уменьшилось:
 - в среднем у всего населения по картофелю и маслу растительному на 2,9 и 1,3% соответственно;
 - у домохозяйств 1-го квинтиля по картофелю — на 2,1%, по хлебу — на 1,4%, по сахару — на 1,3%, по рыбе и маслу растительному — на 1,0–1,1%.

В домохозяйствах 1-го квинтиля наблюдалось очень небольшое — на 0,2% — понижение калорийности питания (несмотря на то что доля ккал за счет продуктов животного происхождения выросла) и количества углеводов в рационе (на 1,4%) в 2020 г. по сравнению с 2019 г.

Первый год пандемии характеризовался сокращением реальных расходов населения на ряд непродовольственных товаров (включая одежду и обувь) и особенно услуги¹⁰, что позволило на-

⁹ Наблюдался также небольшой прирост потребления хлеба и хлебных продуктов, но он составил всего 0,3%.

¹⁰ Объем всех платных услуг населению снизился на 17,3% (по некоторым видам услуг на 30–50%), что во многом было связано с административными

селению не только поддержать калорийность питания, не ухудшив его состав, но и повысить обеспеченность товарами длительного пользования и жильем, а также направить больше средств на сбережения. В 2021 г. темп прироста расходов на товары (8,3%) полностью компенсировал небольшой (-3,3%) спад 2020 г.; прирост расходов на услуги позволил практически вернуться к уровню потребления платных услуг 2019 г. Снизившаяся склонность к сбережению после ее всплеска в 2020 г. также характеризует потребительское поведение в 2021 г. (табл. 3.2).

В 2020 г. обеспеченность населения по ряду непродовольственных товаров (холодильники, компьютеры, микроволновки, легковые автомобили и др.) выросла как в среднем по всем домохозяйствам, так и по домохозяйствам 1-го квинтиля. Обеспеченность населения жильем в 2020 г. также росла, причем быстрее, чем в 2019 г. Ипотека (включая программы льготного ипотечного кредитования и возможность использования материнского капитала) и программы льготных автокредитов повышали спрос на жилье и автомобили, что способствовало не только росту их цен, но и повышению обеспеченности населения и тем и другим, в том числе по домохозяйствам 1-го квинтиля¹¹.

Данные о розничном товарообороте позволяют предположить, что в 2021 г. тренд на рост обеспеченности населения компьютерами, стиральными машинами, холодильниками продолжился¹². По итогам 2021 г. наблюдалось увеличение продаж новых автомобилей на 6%¹³. Рынок автомобилей с пробегом в 2021 г. вырос на 8–25%, по оценкам различных экспертов¹⁴.

ограничениями из-за пандемии коронавируса и стремлением части населения к самоизоляции.

¹¹ См.: Мисихина С. Денежные доходы населения и их покупательная способность в 2020 г. снизились. Что произошло с потреблением населения? // Комментарии о Государстве и Бизнесе. 3 декабря 2021 г. № 400. <<https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/536488680.pdf>>.

¹² Данные об обеспеченности населения товарами длительного пользования появляются нескоро.

¹³ Мантуров сообщил о росте продаж новых автомобилей в России на 6% в 2021 году. <<https://www.vedomosti.ru/auto/news/2022/01/12/904479-manturov-soobschil-o-rote-prodazh-novih-avtomobilei-v-rossii-na-6-v-2021-godu>>.

¹⁴ Продажи легковых машин с пробегом в 2021 году выросли почти на 25%. 20.01.2022. <<https://www.vedomosti.ru/auto/articles/2022/01/20/905769-prodazh>>.

3. Влияние инфляции на динамику доходов и потребления населения

Таблица 3.2. Динамика использования доходов населения в 2020–2021 гг. в сопоставимых ценах, %

Показатель	2020 к 2019	2021 к 2020	2021 к 2019
Денежные доходы, всего	–1,5	3,3	1,8
В том числе использовано на:			
покупку товаров и оплату услуг	–7,8	9,8	1,2
покупку товаров	–3,3	8,3	4,7
оплату услуг	–13,0	13,7	–1,0
оплату обязательных платежей и взносов и прочие расходы	–1,5	3,3	1,8
прирост, уменьшение (–) сбережений	1,3 раза	–50,0	14,9
во вкладах на рублевых и валютных счетах банков в рублевом эквиваленте	–3,7	36,2	31,2
в наличных деньгах	7,9 раза	–79,3	83,3

Источник: Расчеты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ по данным Росстата.

Если частью структурной адаптации потребления населения в 2020 г. было сокращение расходов на одежду и обувь, то в 2021 г. рост продаж одежды и обуви возобновился, заметно перекрыв не только отставание 2020 г., но и среднегодовые темпы прироста продаж одежды и обуви в предыдущие годы, что может быть связано в том числе с покупками одежды и обуви той частью населения, которая до пандемии покупала эти товары за границей.

В 2021 г. в России было введено около 92,6 млн кв. м жилья (+13% к 2020 г.), в том числе и благодаря росту ипотечного кредитования¹⁵ (+26,7% в 2021 г.)¹⁶. Хотя данных об обеспеченности

hi-legkovih>; Продажи легковых автомобилей с пробегом в России выросли за год на 8%. <<https://www.forbes.ru/biznes/454441-prodazi-legkovyh-avtomobilej-s-probegom-v-rossii-vyrosli-za-god-na-8>>.

¹⁵ Хотя рост ставки по программе «Льготная ипотека» несколько замедлил рост ипотечного кредитования во второй половине года.

¹⁶ За 2021 год в России введено 92,6 млн кв. метров жилья. <<http://www.minstroyrf.gov.ru/press/za-2021-god-v-rossii-vvedeno-92-6-mln-kv-metrov-zhilya/>>; Новости глобальной экономики 24–30 января 2022 г. Центр макроэкономических исследований. Сбербанк.

населения России жильем за 2021 г. пока нет, представляется вероятным, что в минувшем году обеспеченность населения жильем выросла.

Снижение потребления платных услуг было одной из основ структурной адаптации потребления населения в 2020 г. В 2021 г. объем платных услуг населению в сопоставимых ценах вырос на 17,6% к 2020 г., что позволило ему вернуться к уровню 2019 г.

Из-за быстрого роста ряд платных услуг в 2021 г. превысили свои объемы 2019 г., некоторые виды услуг — более чем на 10%. Однако быстрый рост объема транспортных и особенно туристских услуг и услуг культуры не привел к восстановлению объемов этих услуг на допандемийном уровне.

Хотя отдельные группы населения во время коронакризиса пострадали сильнее (прежде всего занятые в малом бизнесе и некорпоративном секторе), в целом в 2020 г. бедность и неравенство несколько снизились, в том числе благодаря поддержке населения и бизнеса в этот период. В 2021 г. бедность уменьшилась на 1,1 п.п. по сравнению с 2020 г. и составила 11,0% (в 2019 г. — 12,3%).

Среди домохозяйств, сильно пострадавших во время пандемии, могли быть домашние хозяйства, в которых есть члены домохозяйств с заболеваниями, требующими длительного лечения и, следовательно, значительных расходов на лечение и лекарства. Так, по данным опросов Росстата, в 2020 г. 8,5% домохозяйств не имели возможности оплачивать жизненно необходимые (важнейшие) лекарственные препараты. В числе тех, кому не хватало средств даже на питание (по опросам Росстата, около 0,2% домохозяйств в 2020 г., по опросам инФОМ — 10,3% семей в 2020 г. и 8,8% в 2021 г.¹⁷), могли быть и семьи с детьми, в первую очередь те, которых не коснулись регулярные формы поддержки в период коронакризиса: более 80% бедных домохозяйств составляют домохозяйства с детьми, и в период пандемии среди них могли оказаться те, кто находился в сложной материальной ситуации.

Стремление населения защититься от повышенной продовольственной инфляции в 2020 г., не ухудшив качество питания по

¹⁷ Расчеты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ по данным инФОМ. <http://www.cbr.ru/collection/collection/file/573/fom_13-12.pdf>; <http://www.cbr.ru/collection/collection/file/36937/infom_21-09.pdf>; <https://www.cbr.ru/collection/collection/file/40845/infom_22-02.pdf>.

3. Влияние инфляции на динамику доходов и потребления населения

сравнению с 2019 г. при падении реальных располагаемых доходов населения, потребовало увеличения реального объема средств, израсходованных населением на покупку продовольственных товаров, на 4,2%, что привело к росту удельного веса расходов на продовольственные товары в потребительских расходах на 3,6 п.п. (с 29,7% в 2019 г. до 33,3% в 2020 г.). Наименее обеспеченному населению пришлось увеличить реальные расходы на питание на 2,7% (доля расходов на продукты выросла с 45,2 до 46,4%). За I–III кв. 2021 г. все население в среднем израсходовало на продукты питания на 3,6% больше, чем за соответствующий период 2020 г. в сопоставимых ценах.

Следует отметить, что такой рост реальных расходов на питание проходил при перестройке структуры потребления населения: покупка более дешевых товаров, продукции под марками торговых сетей, использование скидок, кешбэков и т.п.¹⁸

Быстрая инфляция и девальвация ведут к обесценению накопленных сбережений; ставки по депозитам и другим видам сбережений и инвестиций запаздывают. Возможности у малообеспеченных слоев населения с более низкими сбережениями сложить сбалансированные портфели сбережений и инвестиций намного меньше, чем у обеспеченных, поэтому удешевление сбережений на них влияет сильнее, чем на обеспеченных.

Реализация льготных возможностей сбережений для малообеспеченных (небольших вкладов до 100 тыс. руб. по повышенной ставке), а также еще нескольких мер, включая спецсчета с нулевыми комиссиями, которые были разработаны Банком России для поддержки малообеспеченных в конце 2021 г., в нынешней ситуации, скорее всего, не сможет дать заметного положительного результата, даже в случае доработки этих мер с учетом существующих условий¹⁹.

¹⁸ У россиян резко вырос интерес к продукции под марками торговых сетей. Количество желающих сэкономить увеличилось в 1,5 раза. <<https://www.rbc.ru/business/02/02/2022/61f796499a794761886a1c56?from=center>>.

¹⁹ ЦБ предложил создать специальные вклады для малообеспеченных. Ставки по ним будут выше рыночных, и банки не смогут сами их менять. <<https://www.rbc.ru/finances/24/11/2021/619e26929a79471876118f78>>; ЦБ ограничит спецвклады для малоимущих суммой в 100 тыс. <<https://www.rbc.ru/finance/20/12/2021/61c057739a7947735b5582c5>>.

2022 год: новые вызовы. В 2021 г., по оценкам и прогнозам МВФ, ключевыми драйверами инфляционного роста для большинства стран стали энергетические товары. Согласно январскому прогнозу экспертов МВФ, цены на продовольственные товары в 2022 г. должны были расти медленнее, чем в 2021 г. (4,5 и 23,1% соответственно)²⁰. Оценки, подготовленные экспертами МВФ в марте, показали, что мировые цены на продовольствие продолжают расти даже после рекордного скачка в феврале²¹. Российские эксперты, кроме того, считают, что «ситуация вокруг России и Украины подтолкнет цены на продукты, которые массово экспортируются из этих стран (пшеница, подсолнечное масло, на Украине еще и кукуруза), возникает риск перебоев в поставках, рост цен на страховку для грузов и судов», отмечают, что «мировые цены на пшеницу уже выросли на 2,1% из-за перебоев с поставками из Черноморского региона. Сейчас цены еще выше, сохранение острой ситуации толкает цены вверх»²². В этой ситуации ускорение продовольственной инфляции, сокращение импорта и сложности первого этапа развития импортозамещения будут заметно влиять на потребление населения.

²⁰ Global Inflation Pressures Broadened on Food and Energy Price Gains. 28.01.2022. <<https://blogs.imf.org/2022/01/28/global-inflation-pressures-broadened-on-food-and-energy-price-gains/>>.

²¹ War-Fueled Surge in Food Prices to Hit Poorer Nations Hardest. <<https://blogs.imf.org/2022/03/16/war-fueled-surge-in-food-prices-to-hit-poorer-nations-hardest/>>.

²² Продовольствие станет жертвой украинского конфликта. <https://www.ng.ru/economics/2022-02-24/4_8379_food.htmlutm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D%3E>; В Госдуме предупредили о скором росте цен на основные продукты питания. <<https://cher-poisk.ru/news/obschestvo/v-gosdume-predupredili-o-skorom-roste-tsen-na-osnovnye-produkty-pitaniya>>.

4. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА И УРОВЕНЬ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СТРЕССА В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Экономические итоги 2021 г. В 2021 г. наблюдался мощный посткризисный рост экономической активности. ВВП вырос на рекордные с 2009 г. 4,7% после снижения на 2,7% годом ранее. Уровень 2019 г. оказался превышен на 1,9%, впрочем, если сравнивать с примерной оценкой докризисной траектории роста (2019 г. +2% прироста ежегодно), то в 2021 г. ВВП недосчитался 2%. Быстрый рост экономической активности был обусловлен уменьшением социального дистанцирования, мягкостью фискальной и денежно-кредитной политики, быстрым восстановительным ростом мировой экономики, ослаблением ограничений нефтедобычи в рамках соглашения ОПЕК+, ростом мировых цен на нефть.

Обратной стороной стал наметившийся перегрев экономики. Инфляция составила 8,4% по итогам 2021 г. Склонность населения к потреблению весь год была близка к максимальным с 2013 г. уровням. Безработица в IV квартале 2021 г. обновила исторические минимумы, достигнув 4,3% (после сезонной корректировки). Такое неустойчивое положение экономики — в совокупности с намечавшимся возвратом с 2022 г. к бюджетному правилу, ужесточением монетарной политики и прежде всего сильным ростом геополитической напряженности еще до начала украинского кризиса — создавало большие риски для роста ВВП в 2022 г.

Как и в период падения, во время восстановления экономической активности определяющую роль играл спрос домохозяйств (табл. 4.1). При наибольшем весе в структуре ВВП (50,4% в 2019–2021 гг.), конечное потребление населения из ключевых компонент спроса в 2020 г. показало наибольшее падение (–7,3%), а в 2021 г. — наибольший рост (9,6%). Ничего удивительного в этом нет: пандемия в первую очередь сказалась на склонности населения к потреблению, а фискальная и монетарная политики оказали заметное стимулирующее воздействие на уровень потребления не только в 2020 г., но и в 2021 г. При этом общий итог двух лет — прирост на 1,6% к уровню 2019 г., что примерно соответствует динамике ВВП и потому может рассматриваться как в целом устойчивый результат.

Таблица 4.1. ВВП методом использования доходов: годовая динамика и структура

	Прирост, %			Вклад в прирост ВВП, п.п.			Доля в ВВП, %		
	2019	2020	2021	2019	2020	2021	2019	2020	2021
		2020 к 2019	2021 к 2019	2019	2020	2021	2019	2020	2021
ВВП	2,2	-2,7	4,7	2,2	-2,7	4,7	100,0	100,0	100,0
Конечное потребление	3,4	-4,9	7,1	2,3	-3,4	5,0	69,7	70,9	67,6
Население	3,8	-7,3	9,6	1,9	-3,7	4,8	51,2	50,4	49,5
Государство	2,4	1,9	1,1	0,4	0,3	0,2	18,1	20,0	17,7
НКО	-0,2	-3,5	-4,8	0,0	0,0	0,0	0,4	0,4	0,4
Валовое накопление	2,3	-3,8	8,7	0,5	-0,9	2,0	22,7	23,5	22,5
Основной капитал	1,0	-4,4	7,0	0,2	-0,9	1,5	20,9	21,5	20,0
Изменение запасов	—	—	—	0,3	0,1	0,5	1,8	1,9	2,5
Экспорт	0,7	-4,1	3,2	0,2	-1,2	0,8	28,4	25,5	30,8
Импорт	3,1	-12,1	16,7	-0,6	2,5	-3,4	-20,8	-20,4	-21,3
Статрасхождение	—	—	—	-0,2	0,2	0,2	0,0	0,5	0,4

Источники: Росстат; расчеты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

Другая компонента внутреннего частного спроса — валовое накопление основного капитала — тоже заметно выросла в 2021 г. — на 7,0% против падения на 4,4% в 2020 г. Столь быстрое восстановление инвестиционного спроса дополнило большой проинфляционный эффект от роста потребительской активности: восстановление внутреннего спроса на фоне стимулирующих государственных мер стало одной из важнейших причин разгона инфляции до 8,4% по итогам 2021 г.

Конечное потребление государства, в связи с фискальным стимулом не показавшее падения в 2020 г., в 2021 г. продолжило небольшой рост (1,1%), а всего за два года выросло на 3,0%. Принципиально иные итоги для экспорта товаров и услуг: искусственное сдерживание нефтедобычи обусловило то, что за кризисным падением экспорта на 4,1% последовал рост лишь на 3,2%. По итогам двух лет экспорт сократился на 1,0%.

Вместе со спросом, но гораздо более выражено, менялся и импорт: за снижением на 12,1% в 2020 г. последовал рост на 16,7% в 2021 г. Динамика этой компоненты счета ВВП, составившей в среднем 20,8% ВВП в 2019–2021 гг., внесла положительный вклад в динамику ВВП в 2020 г. (2,5 п.п.) и отрицательный — в 2021 г. (–3,4 п.п.). Поскольку столь большие вклады импорта затрудняют анализ (импорт, представляя иностранную добавленную стоимость, по сути, включен в разные спросовые компоненты), то полезно очистить динамику компонент спроса от этого фактора и выделить их вклады в прирост ВВП, пришедшиеся на создание отечественной добавленной стоимости. По нашим оценкам, при таком «очищенном» от импорта разложении структуры прироста ВВП в 2021 г. (4,7%) вклад конечного потребления населения составил 2,9 п.п. (или 62%). Другие две значимые компоненты — валовое накопление основного капитала и экспорт — добавили лишь 0,9 п.п. и 0,8 п.п. соответственно (рис. 4.1).

При этом доля потребления населения в объеме ВВП на протяжении двух лет снижалась — с 51,2% в 2019 г. до 50,4% в 2020 г. и 49,5% в 2021 г. (табл. 4.1). По сравнению с 2019 г. в 2021 г. понизилась доля и других статей внутреннего спроса — валового накопления основного капитала (с 20,9 до 20,0%) и конечного потребления государства (с 18,1 до 17,7%). В то же время сильно выросла доля экспорта (с 28,4 до 30,8%), в меньшей степени — доля изменения запасов, а также импорта (со знаком «минус»).

Примечательно, что, несмотря на доминирующую роль восстановления потребительского спроса в росте ВВП, сильный рост экономической активности сопровождался перераспределением доходов от работников к предприятиям и государству. Согласно первой оценке Росстата, доля оплаты труда наемных работников в счете ВВП методом образования доходов снизилась с 46,3% в 2019 г. и 46,2% в 2020 г. сразу до 41,1% в 2021 г. (табл. 4.2). Возможно, значение за 2021 г. после уточнения существенно изменится, как это произошло с цифрой за 2020 г.¹, однако вряд ли поменяется то обстоятельство, что доля оплаты труда опустилась, причем до минимального за семь лет уровня². Такой результат мог быть обусловлен, помимо прочего, сокращением государственной поддержки занятости и зарплат, стремлением компаний нарастить после кризиса прибыль и сильным ростом нефтяных цен, слабо трансформировавшимися в рост трудовых доходов.

Из вышеописанного следует, что итоги 2021 г. для российской экономики в целом были весьма успешны. Рост ВВП с запасом компенсировал кризисное сжатие 2020 г., а объем экспорта в валютном выражении, балансовая прибыль экономики и доходы бюджета на фоне скачка цен на сырье резко выросли, заметно превысив не только уровень 2020 г., но и докризисные объемы³. Однако на фоне позитивной динамики доходов государства и крупного и среднего бизнеса (что при снижении неопределенности создает условия для ускорения экономического роста в среднесрочной перспективе) ситуация в социальной сфере противоречива. Наблюдались негативные процессы в форме прежде всего резкого ускорения потребительской инфляции, которая почти двукратно

¹ Оценка доли оплаты труда наемных работников в ВВП 2020 г. была пересмотрена за год с 49,2 до 46,2% (а оценка доли валовой прибыли экономики и валовых смешанных доходов — еще сильнее, с 39,9 до 43,8%). Значения за 2015–2019 гг. после пересмотра менялись не более чем на 1,5 п.п.

² Причем это более-менее согласуется со снижением доли конечного потребления населения в счете ВВП по использованию.

³ Объем товарного экспорта в валютном выражении в 2021 г. вырос относительно того же периода 2020 г. на 47%, а относительно 2019 г. — на 11%. Балансовая прибыль экономики за январь — ноябрь 2021 г. выросла в годовом выражении на 150%, т.е. в 2,5 раза, к 2020 г. и на 80% к 2019 г., а доходы консолидированного бюджета за январь — октябрь — соответственно на 28 и 20%.

Рис. 4.1. Вклад компонент спроса в темп прироста ВВП после исключения импорта из всех компонент, п.п.

Источники: Росстат; расчеты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

определила таргетируемое Банком России значение и приблизилась по итогам 2021 г., согласно официальным данным, к 8,5%. В то же время безработица в целом по России снижалась (на 1,9 п.п. г./г., достигнув 4,3% в сентябре — ноябре 2021 г.), а темпы прироста реальных доходов населения⁴ начиная со II квартала вышли на уро-

⁴ Важно отметить, что здесь мы оперируем показателем реальных среднедушевых доходов населения, доступным в региональном разрезе, а не показателем реальных располагаемых доходов населения, рассчитываемым Росстатом на уровне России в целом. Второй показатель за три квартала 2021 г. вырос относительно того же периода 2020 и 2019 гг. соответственно на 4,1 и 0,5%.

Таблица 4.2. Структура ВВП методом образования доходов, %

Показатель	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Валовой внутренний продукт	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Оплата труда наемных работников	47,8	48,2	47,8	45,3	46,3	46,2	41,1
Чистые налоги на производство и импорт	11,1	11,0	10,9	11,7	11,3	10,0	10,6
Валовая прибыль экономики и валовые смешанные доходы	41,0	40,8	41,3	43,0	42,4	43,8	48,3

Источники: Росстат; расчеты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

вень 8% в годовом измерении, составив за три квартала, по нашей оценке, +4,7%.

Таким образом, в 2021 г. тактический выбор между инфляцией и безработицей в России, видимо, был сделан в пользу экономического роста, что, придав позитивный импульс экономике, в принципе могло снизить устойчивость ситуации и даже позволило в начале 2022 г., еще до геополитического кризиса, заговорить о перегреве экономики.

Рассмотрим эту коллизию подробнее, используя данные региональной статистики. Помимо выделения зон потенциальной региональной нестабильности, попробуем отметить те преимущества, которые дает учет региональной специфики для таргетирования инфляции, осуществляемого с 2013 г. Центральным банком Российской Федерации. В разных регионах инфляция может формироваться за счет различных факторов; на некоторые из них (например, на монопольное ценообразование и другие немонетарные факторы) сложно воздействовать регулятору. Однако при проведении политики инфляционного таргетирования центральный банк влияет на среднесрочную и долгосрочную инфляцию через воздействие на инфляционные ожидания, а следовательно, может снижать средний уровень инфляции в любом регионе страны вне зависимости от формирующих ее факторов. Таким образом, в условиях региональной дифференциации возможность эффективного использования инфляционного таргетирования зависит от

того, насколько регулятор федерального уровня способен влиять на инфляционные ожидания в различных регионах. В частности, воздействие на инфляционные ожидания зависит и от эффективности трансмиссионных каналов денежно-кредитной политики, и от успешности информационной политики как атрибута современного инфляционного таргетирования. При этом информационная политика центрального банка, направленная на снижение неопределенности, повышение предсказуемости инфляции, уменьшение инфляционной инерции и повышение прозрачности денежно-кредитной политики в такой территориально обширной и весьма гетерогенной экономике, как российская, должна учитывать специфику регионов и использовать возможности региональных СМИ.

Региональные аспекты экономической динамики и инфляционных процессов. Ежемесячно выходящая статистика об итогах экономического развития регионов России позволяет оценивать дифференциацию пространственной экономической динамики как по показателям производства товаров и услуг (что на регулярной основе делается в рамках расчета сводного индекса региональной экономической активности, РЭА⁵), так и по показателям уровня жизни — в форме индекса регионального социально-экономического стресса (ИРСЭС). Последний рассчитывается Институтом «Центр развития» НИУ ВШЭ с учетом совместной динамики инфляции и безработицы⁶, рост которых представляет собой своего рода вычет из общественного благосостояния.

Если за ИРСЭС, в соответствии с имеющимися в прикладных исследованиях наработками, принять сумму прироста безработицы и потребительской инфляции и сопоставить этот индекс с динамикой реальных среднедушевых доходов населения (увеличение которых может в определенной мере компенсировать негативное

⁵ См.: Институт «Центр развития» НИУ ВШЭ. <<https://dcenter.hse.ru/rea>>.

⁶ Традиционный индекс бедности как сумма уровней безработицы и инфляции (т.е. своего рода социальных потерь), введенный А. Оукеном, был популярен в 1970–1980-е годы. Позднее, на фоне ухода от традиционного понимания кривой Филлипа, индекс модифицировался, и Р. Барро, в частности, использовал приросты этих и ряда других показателей в одной из своих публицистических работ для сравнения экономической политики президентов США (см.: *Barro R.J. Reagan vs Clinton: Who's the Economic Champ?* // *Business Week*. 1999. Febr. 22. P. 22).

воздействие на население роста цен и снижения занятости), текущая ситуация в разных федеральных округах и в субъектах РФ предстанет по-разному. Выяснению этих различий и посвящен данный подраздел доклада. Этот аспект анализа экономической конъюнктуры важен с точки зрения как мониторинга условий устойчивого воспроизводства человеческого капитала на огромных и разнородных территориях, так и поддержания позитивных текущих настроений и ожиданий людей. Последнее, принимая во внимание существенную роль в российской экономике адаптивных и «назадсмотрящих» ожиданий экономических агентов⁷, важно учитывать при выработке адекватной макроэкономической политики. Другими словами, текущая ситуация сильнее, чем при «впередсмотрящих» ожиданиях, влияет на прогнозы экономических агентов, а значит, на расходы домашних хозяйств и инвестиционные расходы.

В табл. 4.3 представлены основные социально-экономические характеристики федеральных округов (далее — ФО) России согласно последним доступным данным, охватывающим весь 2021 г.

По отгрузке товаров собственного производства в 2021 г. неизменно лидирует Центральный ФО (чуть более трети общероссийской отгрузки). Высок этот показатель также у Уральского и Приволжского ФО (примерно по 15%). Однако в целом разрыв между крайними значениями почти 23-кратный. Наименьшие уровни данного показателя фиксируются в Северо-Кавказском и Дальневосточном ФО (1,6 и 5,3% соответственно).

С точки зрения территориального развития в конкуренции с двумя основными двигателями российской экономики усиливаются позиции Южного ФО. В частности, он в 2021 г. оказался лидером по приросту стоимости квадратного метра жилья⁸ (+21,3% прироста год к году по сравнению с +17% в среднем по России).

⁷ См., например: *Соколова А.В.* Инфляционные ожидания и кривая Филлипса: оценка на российских данных // Деньги и кредит. 2014. № 11. С. 61–67; *Сосунов К.А., Заиченко О.А., Громова Е.А.* Эмпирический анализ оптимальной монетарной политики в России: новый кейнсианский подход. Препринт WP12/2009/01 / Высшая школа экономики. М.: Изд. дом ВШЭ, 2009. (Научные доклады лаборатории макроэкономического анализа; 12).

⁸ Средняя рублевая цена на первичном и вторичном рынке жилья (расчеты авторов по данным Росстата).

Таблица 4.3. Показатели доходов, инфляции и безработицы, а также индекса социально-экономического стресса в федеральных округах России (чем выше значение индекса, тем сильнее стресс)

	Среднедушевые денежные доходы населения, III кв. 2021 г., руб.	ИПП, прирост в январе – ноябре 2021 г. к январю – ноябрю 2020 г., %	Прирост реальных доходов, I–III кв. 2021 г., среднее взвешенное	Уровень безработицы, сентябрь – ноябрь 2020 г., %	Прирост безработицы, сентябрь – ноябрь 2020 г. к сентябрю – ноябрю 2019 г., п.п.	ИРСЭС (ИПП + прирост безработицы)	Доля в общероссийской отгрузке товаров и услуг собственного производства, январь – ноябрь 2020 г., %	Прирост стоимости I кв. жилья*, I–III кв. 2021 г. к I–III кв. 2020 г., %
Российская Федерация в целом	40 402	6,5	4,7	4,3	-1,9	4,6	100,0	17,0
Центральный федеральный округ	54 299	6,4	6,1	3,1	-1,5	5,0	35,1	19,7
в том числе г. Москва	87 014	5,4	8,7	2,3	-1,5	3,9	20,5	24,6
Северо-Западный федеральный округ	43 053	6,4	4,8	3,4	-2,4	3,9	12,5	19,5
в том числе г. Санкт-Петербург	53 680	6,4	8,8	1,6	-2,2	4,2	5,5	28,4

Продолжение табл. 4.3

	Среднедушевые денежные доходы населения, III кв. 2021 г., руб.	ИПЦ, прирост в январе – ноябре 2021 г. к январю – ноябрю 2020 г., %	Прирост реальных доходов, I–III кв. 2021 г. среднее взвешенное	Уровень безработицы, сентябрь – ноябрь 2020 г., %	Прирост безработицы, сентябрь – ноябрь 2020 г. к сентябрю – ноябрю 2019 г., п.п.	ИРС (ИПЦ + прирост безработицы)	Доля в общероссийской отрубке товаров и услуг собственного производства, январь – ноябрь 2020 г., %	Прирост стоимости I кв. м жилья, I–III кв. 2021 г. к I–III кв. 2020 г., %
Южный федеральный округ	36 866	7,1	4,4	4,8	-1,6	5,4	5,6	21,3
Северо-Кавказский федеральный округ	27 684	8,0	1,2	11,0	-3,8	4,2	1,6	6,3
Приволжский федеральный округ	30 906	6,8	1,3	3,7	-1,7	5,1	15,2	17,8
Уральский федеральный округ	39 486	5,7	1,0	3,7	-2,2	3,4	14,7	14,1
Сибирский федеральный округ	30 044	6,7	1,0	5,1	-2,6	4,0	10,0	20,4
Дальневосточный федеральный округ	40 703	5,8	0,9	5,5	-1,1	4,7	5,3	18,1

Окончание табл. 4.3

	Среднедушевые денежные доходы населения, III кв. 2021 г., руб.	ИПЦ, прирост в январе – ноябре 2021 г к январю – ноябрю 2020 г., %	Прирост реальных доходов, I–III кв. 2021 г., среднее взвешенное	Уровень безработицы, сентябрь – ноябрь 2020 г., %	Прирост безработицы, сентябрь – ноябрь 2020 г к сентябрю – ноябрю 2019 г., п.п.	ИРСЭС (ИПЦ + прирост безработицы)	Доля в общероссийской отрубке товаров и услуг собственного производства, январь – ноябрь 2020 г., %	Прирост стоимости I кв. м жилья*, I–III кв. 2021 г. к I–III кв. 2020 г., %
Справочно (расчеты по ФО)								
Стандартное отклонение	8 635	0,7	2,1	2,6	0,8	0,7	10,3	4,9
Среднее взвешенное значение	37 880	6,9	2,6	5,0	-2,1	4,5	12,5	17,2
Коэффициент вариации	0,2	0,1	0,8	0,5	-0,4	0,2	0,8	0,3
Максимум	54 299	8,0	6,1	11,0	-1,1	5,4	35,1	21,3
Минимум	27 684	5,7	0,9	3,1	-3,8	3,4	1,6	6,3
Отношение максимума к минимуму, раз	2,0	1,4	6,6	3,5	0,3	1,6	22,5	3,4

Примечание. Прирост реальных доходов вычислен как среднее арифметическое взвешенное приростов в I–III кварталах 2021 г., веса — номинальные среднедушевые доходы.

* Средняя рублевая цена на первичном и вторичном рынке жилья (расчеты авторов по данным Росстата).

Источники: Росстат; расчеты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ по данным Росстата.

Самый низкий темп прироста цен на жилую недвижимость отмечается в Северо-Кавказском ФО (+6,3%).

Некоторые показатели позволяют сделать вывод о смене ряда тенденций в экономике регионов по сравнению с 2020 г. Ключевым изменением является существенное снижение уровня безработицы по всем регионам, если брать разрез федеральных округов. Наиболее значительное снижение имеет место в Северо-Кавказском ФО (на 3,8 п.п., до 11%): сказывается эффект весьма высокой базы в 2020 г. Традиционно данный регион характеризуется наивысшим процентом безработных.

При среднероссийском уровне безработицы в 4,3% в сентябре — ноябре 2021 г. (что на 1,9 п.п. ниже уровня конца 2020 г.), минимальный ее уровень не на Дальнем Востоке (чего можно было бы ожидать в силу близости к динамичной Азии), а в Сибирском и Уральском ФО (около 3,7%), а также в Центральном ФО, что может характеризовать эти регионы как локомотивы выхода российской экономики из кризиса.

Инфляция, в отличие от безработицы, в 2021 г. росла высокими темпами на фоне ускоренного восстановления экономики. Последнее — в сочетании с низким уровнем загрузки производственных мощностей (о чем свидетельствуют опросы Росстата и о чем мы писали в выпуске мониторинга «Комментарии о государстве и бизнесе» от 3 февраля 2022 г.) — говорит об «импорте инфляции». По данному показателю Северо-Кавказский и Южный ФО продемонстрировали наихудшие результаты. Росту цен в этих регионах способствовала, в частности, активизация туристического потока на фоне ограничений на выездной туризм. Наиболее низкий показатель роста потребительских цен — в Уральском ФО.

Сумма показателей прироста цен и безработицы дает ИРСЭС, находящийся на уровне 4,6 в среднем по России. В разрезе федеральных округов наиболее благополучной может считаться ситуация в Уральском ФО (3,4), наименее благополучной — в Южном ФО (5,4).

Несмотря на то что соотношение максимального и минимального номинальных доходов практически не поменялось по сравнению с 2020 г. (традиционно самый высокий показатель — у Центрального ФО, самый низкий — у Северо-Кавказского), спад реальных доходов в 2020 г. сменился в 2021 г. их ростом (на 4,7% г./г. в целом по России). По показателю прироста реальных

доходов с большим отрывом лидирует Центральный ФО (+6,1%), несколько выше среднего он в Северо-Западном ФО. В Южном ФО этот показатель составляет +4,4%. Во всех остальных федеральных округах средний за три квартала 2021 г. прирост реальных доходов не превышает +2%, а в Дальневосточном ФО он составляет всего +0,9%, что объяснимо эффектом базы (в данном случае высокой: падение доходов в этом ФО в 2020 г. было не столь значительным, как в других регионах).

С уровня федеральных округов перейдем на уровень субъектов РФ. В приложении приведена аналогичная табл. П1, в которой даются социально-экономические характеристики уже отдельным субъектам РФ. На фоне 23-кратного разрыва по отгрузке товаров, отмеченного среди федеральных округов, разрыв между субъектами РФ по этому показателю примерно 1000-кратный. Калмыкия — аутсайдер по отгрузке (0,02%), лидером здесь является Москва (20,4%). В разрезе субъектов РФ видно, что жилье быстрее всего дорожало в 2021 г. в Адыгее (почти на 50%), дешевело же лишь на Сахалине (–4,5%).

Наиболее существенным моментом, который фиксируется данными табл. П1, следует считать необычно низкий (отрицательный) ИРСЭС в Чеченской Республике (это позитивный знак), в Республике Тыва и Республике Алтай, что объяснимо резким снижением в них уровня безработицы (по отношению к 2020 г.). Регионами, испытывавшими наибольший стресс, являются республики Калмыкия и Дагестан, а также Севастополь.

По номинальному уровню среднедушевых денежных доходов лидерство удерживают Москва и Чукотка (87 тыс. руб. и 99 тыс. руб. в III квартале 2021 г. соответственно), самый низкий показатель — в Республике Тыва (18 тыс. руб.). По среднеквартальному росту реальных доходов лидеры — Москва и Санкт-Петербург (+8,7 и +8,8%), при этом, например, в Республике Коми и Омской области отмечено снижение реальных доходов более чем на 2%, а в испытывавшей наибольший социально-экономический стресс Калмыкии — на 1,4%.

На рис. П1 в приложении приведена диаграмма рассеяния, демонстрирующая баланс инфляции и уровня (а не прироста, как в ИРСЭС) безработицы в субъектах РФ и, соответственно, выявляющая ключевое макроограничение в том или ином регионе. Наибольшая плотность точек зафиксирована в левом верхнем

квадранте, куда попадают регионы, где доминирующим ограничением является инфляция. Регионов же, испытывающих давление безработицы при спаде цен, меньшинство. (Именно в эту категорию попали регионы с наименьшим ИРСЭС, что подтверждает влияние базы на видимость резкого сокращения безработицы.) Ситуация, при которой регион испытывает давление и инфляции, и безработицы, названа нами стагфляцией; в такой ситуации находятся наиболее «стрессовые» регионы. В число же самых благополучных входят Москва, Санкт-Петербург и ряд дальневосточных высокодоходных регионов.

Важно также рассмотреть, насколько уровень стресса компенсируется ростом реальных доходов. Из рис. 4.2 следует, что в значительной части регионов стресс сочетается с более низким ростом доходов, чем в целом по России. Немало также регионов, где уровень стресса не столь высок, но при этом низок и темп прироста реальных доходов (в эту категорию входят уже упомянутые Чеченская Республика, Алтай и Тыва).

С точки зрения используемого критерия можно назвать всего три максимально благополучных региона, где оба показателя выше среднероссийских: Москва, Санкт-Петербург и Чукотский автономный округ — с традиционно высоким уровнем доходов на душу населения. Ряд регионов юга России (Адыгея, Краснодарский край, Ростовская область и Крым), а также Московская область характеризуются более высоким, чем в среднем по России, социально-экономическим стрессом, однако здесь он компенсируется быстрым ростом доходов.

При этом более чем в 30 регионах ситуация хуже среднероссийской по обоим индикаторам (правый нижний квадрант на рис. 4.2); в 11 из них высокий уровень ИРСЭС сопровождается отрицательной динамикой реальных доходов.

Таким образом, у России не только самая большая в мире, но и, как показано выше, весьма неоднородная (с точки зрения как климата, так и уровня развития производства) территория. Разрыв по последнему показателю среди субъектов РФ достигает, как было отмечено выше, 1000 раз, а среди федеральных округов — более чем 20 раз. Экономическая динамика в России во многом зависит от сильной дифференциации регионов и связанных с этим особенностей и проблем, обусловленных более холодным, нежели в других странах, климатом и огромной территорией

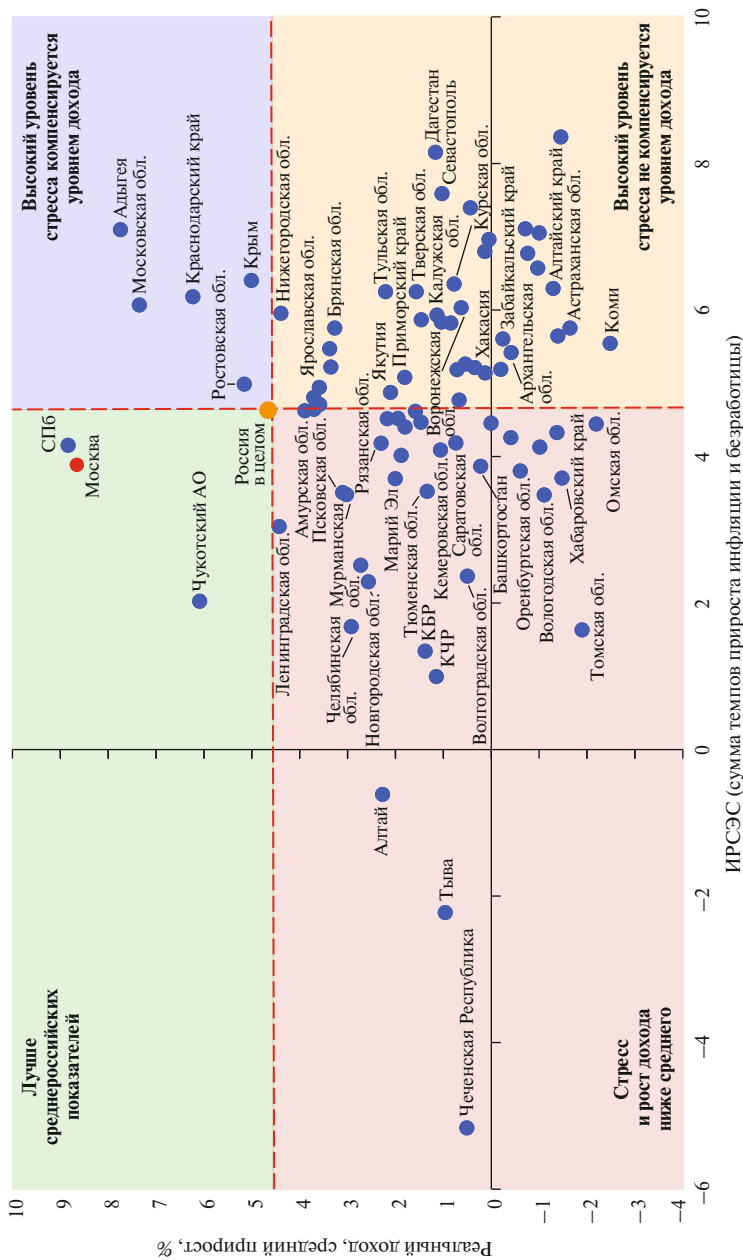

Рис. 4.2. Прирост реальных доходов населения (январь — ноябрь 2021 г. к тому же периоду предыдущего года, ось ординат), % и ИРСЭС (увеличение безработицы, сентябрь — ноябрь 2021 г. к тому же периоду предыдущего года, плюс прирост ИПЦ, январь — ноябрь 2021 г. к тому же периоду предыдущего года, ось абсцисс), %

Примечание. Пунктирные линии обозначают уровни показателей по России в целом (по данным Росстата). Значения рядов приведены в табл. П1 приложения.

СПб — Санкт-Петербург; КБР — Кабардино-Балкарская Республика; КЧР — Карачаево-Черкесская Республика.

Источник: Расчеты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ на основе данных Росстата.

страны, а также наследием плановой экономики, когда размещение производства чаще всего определялось нерыночными критериями.

Параллели с другими странами (тоже большими и ресурсоориентированными, например, Канадой и Австралией) и прямые заимствования путей решения проблем далеко не всегда имеют смысл. Так, если в России 90% населения живет севернее 50° с.ш., то в Канаде 90% населения проживает южнее этой параллели. Если в России расстояние между главными центрами добычи и переработки составляет 2500–4000 км, то в Канаде — в несколько раз меньше, 500–1500 км.

Если проводить сравнение с Китаем, то тот же межрегиональный разрыв в производстве между китайскими провинциями значительно меньше, чем в России, а объемы экономик этих провинций выше, при большей однородности. Это позволяет центральным властям Китая (как показано в экономической литературе в рамках экономики развития) более или менее корректно сравнивать успешность региональных руководителей, что фактически невозможно в России.

5. ВЫБОР БЮДЖЕТНОЙ ПОЛИТИКИ В ПЕРИОД КРИЗИСА

Современная конструкция бюджетных правил вызывала оживленные дискуссии с момента ее создания. Одной из связанных с ними проблем является невозможность придерживаться ограничений на расходы, предусмотренных в этих правилах, в период кризиса. Часто отмечается также процикличность бюджетных правил (в том числе российских), которая проявляется в необходимости проводить бюджетную консолидацию в период выхода из рецессии. Примером отхода от бюджетных правил в России в период кризиса является их частичное применение в 2020–2021 гг. В 2020 г., при направлении на расходы только базовых нефтегазовых доходов и ненафтегазовых доходов, дополнительные расходы, связанные с реакцией на пандемию коронавируса, были профинансированы за счет рекордных внутренних заимствований в объеме 4,6 трлн руб.

Российский пример не единичен. По данным МВФ¹, в период кризиса, вызванного пандемией коронавируса, около 50 стран приостановили или частично изменили действие бюджетных правил. В целом ряде государств такие изменения предусмотрены в самом законодательстве о бюджетных правилах, включая наднациональное законодательство для стран, входящих в различные экономические союзы, в том числе Евросоюз. К европейским странам, приостановившим действие бюджетных правил или ослабившим бюджетные правила на основе условий (*escape clauses*), прописанных в законодательстве отдельной страны или Евросоюза, относятся Франция, Италия, Португалия, Чехия, Германия, Австрия и Эстония. Еще ряд европейских стран, в том числе Россия, внесли изменения в бюджетные правила на основе специальных решений. Разумеется, практика изменений бюджетных правил в период пандемии относится не только к европейским странам. Например, Бразилия ввела «военный бюджет», при котором все расходы, обусловленные пандемией, были выведены из расчетов законодательно установленного потолка расходов. Масштаб изменений,

¹ IMF. Fiscal Monitor. October 2021.

связанных с отходом от утвержденных бюджетных правил, представлен на рис. 5.1.

Во второй половине 2021 г. во всем мире и в международных финансовых организациях стали обсуждаться проблемы посткризисного возврата к бюджетным правилам при одновременной модификации этих правил. Их изменение в значительной степени диктуется резко возросшим за период пандемии государственным долгом. Общими требованиями к дизайну «правил постковидной эпохи» в соответствии с материалами МВФ² можно считать обеспечение на их основе бюджетной устойчивости, контрциклическости и по возможности простоты для осуществления эффективного мониторинга исполнения. В частности, осуществлять мониторинг бюджетных правил, включающих таргеты по структурному балансу, достаточно проблематично. Одновременное выполнение трех указанных принципов построения «новых» бюджетных правил (так называемая трилемма) превращается в сложную задачу; предлагаются и оригинальные решения.

В докладе Бланшара и др.³ содержится детальный анализ эволюции бюджетных правил в Евросоюзе с момента их введения в 1997 г. Отмечается, что после кризиса эти правила необходимо будет существенно изменить, в частности из-за резкого увеличения государственного долга в странах Евросоюза и Еврозоны. Если на начало 2020 г. по Еврозоне он составлял 83,7% ВВП, то на начало 2021 г. уже 98,9%. В этих условиях сложно таргетировать возврат к зафиксированному в 1990-е годы соотношению долга и ВВП в 60%. Анализ, проведенный в докладе, показывает, что, учитывая сложность проблем, стоящих перед странами Евросоюза, новые бюджетные правила не могут быть простыми. Вместе с тем даже сложные бюджетные правила, основанные на количественных показателях, не в состоянии обеспечить учет всех последствий их применения в различных стрессовых ситуациях.

Отдельно анализируются возможности использования универсальных бюджетных правил для стран Евросоюза. Рассматриваются базовые подходы к определению бюджетной устойчивости, отмечается, что для различных групп стран необходимо применять

² IMF. Fiscal Monitor. October 2021.

³ Blanchard O. et al. Redesigning EU Fiscal Rules: From Rules to Standards. Peterson Institute for International Economics Working Paper No. 21–1. February 2021.

5. Выбор бюджетной политики в период кризиса

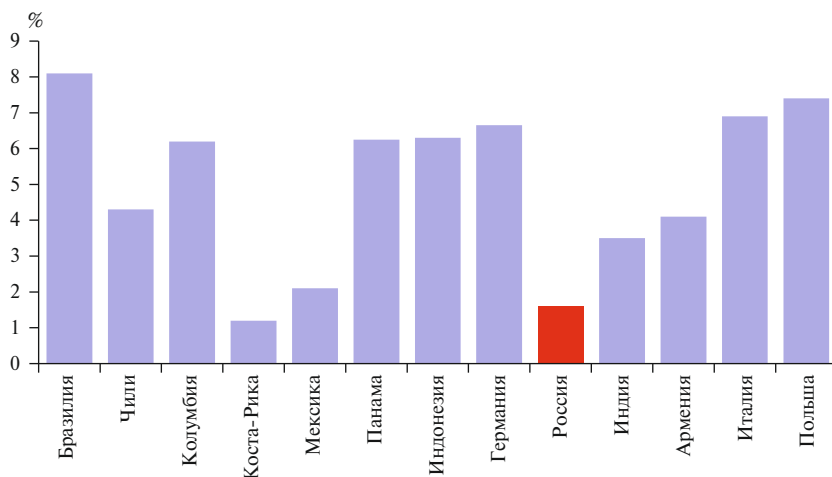

Рис. 5.1. Масштабы ослабления бюджетных правил в 2020 г., % к ВВП

Источник: IMF. Fiscal Monitor. April 2021.

разные количественные критерии бюджетной устойчивости. Подчеркивается, что из-за комплекса экономических и политических различий страны Евросоюза реально имеют разные возможности сокращения первичного бюджетного дефицита при возникновении угроз для бюджетной устойчивости. В итоге авторы доклада предлагают перейти от единых бюджетных правил в Евросоюзе к бюджетным стандартам. Под бюджетными (фискальными) стандартами здесь понимаются сформулированные цели фискальной политики, возможно на качественном уровне, и процесс оценки соответствия проводимой бюджетной политики этим целям. Такая оценка может осуществляться специально созданным независимым органом. Предлагаемые идеи не являются полностью оригинальными, что отмечают и авторы указанного доклада. В настоящее время в некоторых странах (в Австралии и Новой Зеландии) для контроля величин долга и дефицита введены так называемые процедурные правила, не содержащие количественных ориентиров и нацеливающие финансовые институты на проведение ответственной бюджетной политики. Применение таких правил предполагает высокий уровень институционального развития.

Если вернуться к российским проблемам, то в течение 2021 г. частично действовали бюджетные правила, в соответствии с которыми Минфин России приобретал или продавал валюту в зависимости от соотношения полученных и базовых нефтегазовых доходов. На фоне благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры за 2021 г. Минфин приобрел валюту на сумму 3,1 трлн руб. Эти ресурсы не использовались для финансирования бюджетных расходов, и при отсутствии экстраординарных факторов, в обычной ситуации, они были бы направлены в 2022 г. на пополнение ФНБ.

В 2020 и 2021 гг. значительные усилия в сфере фискальной политики были сосредоточены на борьбе с пандемией коронавируса и содействии восстановлению экономики. В 2020 г. был реализован антикризисный пакет в стоимостном эквиваленте более 4,5% ВВП (включая налоговые каникулы, отсрочки и др.). С учетом региональных и «забалансовых» мер поддержки совокупный размер фискального импульса достиг 8% ВВП. В целом фискальная политика в 2020 и 2021 гг. носила выраженный контрциклический характер и оказала заметное влияние на посткризисное восстановление экономики. В период пандемии коронавируса почти все развитые и развивающиеся страны прибегли к мерам фискального стимулирования. Увеличение расходов консолидированных бюджетов, включая государственные внебюджетные фонды, по ряду развитых и развивающихся стран показано на рис. 5.2.

Интегральный результат фискального стимулирования в 2020 и 2021 гг. проявился в мировой экономике уже в 2021 г. (рис. 5.3).

Одновременно с восстановлением экономики, по данным МВФ, во всем мире произошло ускорение инфляции. В США (декабрь 2020 г. к декабрю 2021 г.) она выросла на 5,4%, в Европе на 4,4%, в других развитых странах на 2%, в развивающихся странах, за исключением Китая, на 2,7%. В России этот показатель составил 3,5% (с 4,9% в декабре 2020 г. до 8,4% в декабре 2021 г.). В целом можно сказать, что рост инфляции коррелирует с масштабами поддержки экономики в период пандемии коронавируса.

Фискальная поддержка экономики в России в 2020–2021 гг. осуществлялась по ряду направлений. Остановимся подробнее на поддержке малого бизнеса и межбюджетных отношений. В сфере малого и среднего предпринимательства она выразилась:

- в расширении применения патентной системы налогообложения на отдельные виды предпринимательской деятельности;

5. Выбор бюджетной политики в период кризиса

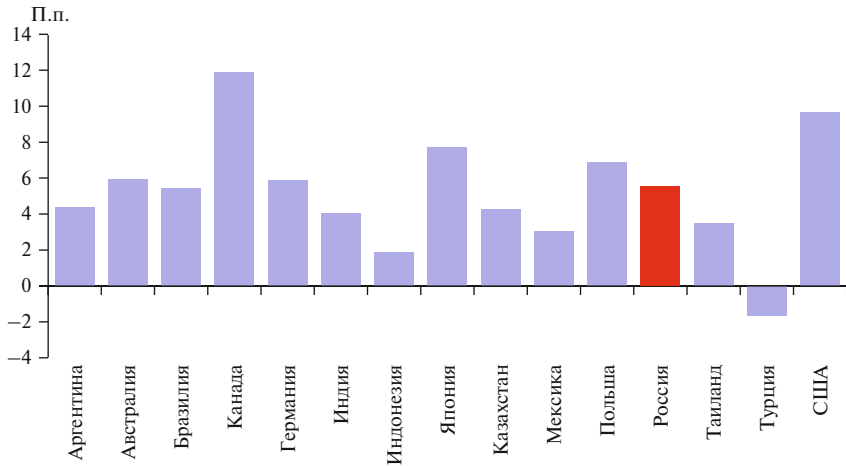

Рис. 5.2. Увеличение доли расходов консолидированных бюджетов в % к ВВП в 2020 г. по сравнению с 2019 г., п.п.

Источник: IMF, WEO, January 2022.

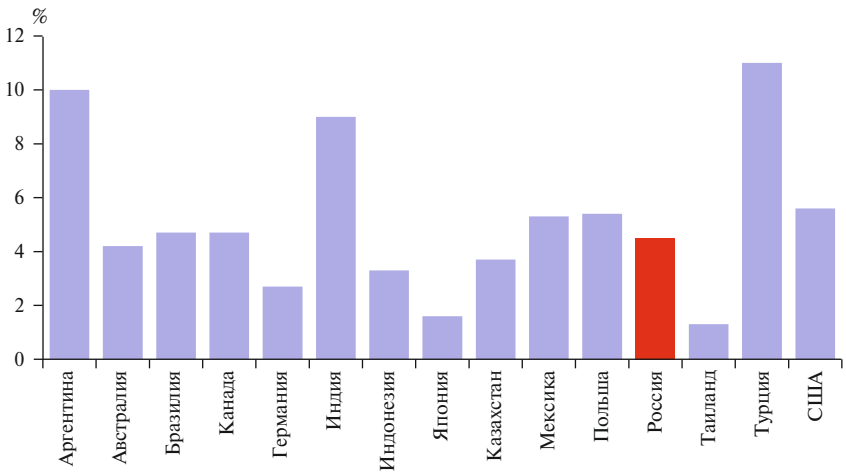

Рис. 5.3. Темпы прироста ВВП в России и ряде стран мира в 2021 г., %

Источник: IMF, WEO, January 2022.

- продлении до 2024 г. права регионов вводить «налоговые каникулы» в виде нулевой ставки (упрощенная система налогообложения (УСН), патентная система налогообложения) для впервые зарегистрированных индивидуальных предпринимателей;
- расширении применения УСН за счет повышения пороговых значений доходов (со 150 до 200 млн руб.) и занятости (со 100 работников для 130);
- расширении применения специального налогового режима — налога на профессиональный доход — на территории всех регионов.

В сфере межбюджетных отношений были предприняты следующие шаги:

- объем межбюджетных трансфертов из федерального бюджета увеличен до 3,7 трлн руб. (на 54% к 2019 г.), включая 300 млрд руб. на дополнительные дотации на поддержку мер по обеспечению сбалансированности;
- 53 регионам предоставлены льготные бюджетные кредиты на 224 млрд руб. по ставке 0,1% с последующей реструктуризацией задолженности до 2029 г.;
- продлены сроки погашения реструктурированных бюджетных кредитов и предусмотрено освобождение от погашения бюджетных кредитов в 2020 г.;
- увеличен срок (с 90 до 240 дней) и предельный размер (до 360 млрд руб.) бюджетных кредитов на пополнение остатка средств;
- утверждены индивидуальные программы развития для десяти субъектов РФ с низким уровнем социально-экономического развития со сроком реализации — пять лет.

Эти меры фискальной поддержки позволили существенно сгладить последствия пандемии коронавируса. Опыт применения фискальных мер для поддержки экономики в 2020–2021 гг. может быть использован и в нынешней ситуации.

6. ИНФЛЯЦИЯ И ШОКИ 2020–2022 гг.: СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ ДВУХ КРИЗИСОВ

В ходе борьбы с пандемией коронавируса в 2020–2021 гг. произошло глобальное ускорение инфляции, ставшее результатом нарушения глобальных цепочек создания стоимости, а также ослабления денежно-кредитной и бюджетной политики ведущих стран мира. При этом в России, наряду с глобальными причинами, действовали внутренние проинфляционные факторы.

Резкое обострение ситуации на Украине в конце февраля 2022 г. и последовавшее за этим введение антироссийских санкций странами Запада представляют собой водораздел между кризисом, обусловленным пандемией коронавируса, и новым кризисом, разворачивающимся на наших глазах. Разумеется, пока нет оснований говорить с определенностью хотя бы о ближайших последствиях нового кризиса, поскольку они будут существенно зависеть от событий, которые еще не произошли. В этой ситуации также бессмысленно пытаться прогнозировать грядущие тенденции инфляции, опираясь на информацию о предшествующих тенденциях. Вместе с тем следует высказать несколько соображений о характере предстоящего кризиса.

Уже сейчас можно заметить, что новый кризис будет в некоторых отношениях сходным с более-менее завершившимся коронакризисом, а в чем-то будет от него существенно отличаться. Фундаментальное сходство обоих кризисов состоит в том, что они вызваны шоками неэкономической природы — пандемией коронавируса и западными санкциями, и этим два обсуждаемых эпизода существенно отличаются от прочих кризисов, которыми богата российская история последнего тридцатилетия¹. Соответственно, продолжительность и интенсивность санкционного кризиса, как и кризиса, вызванного пандемией коронавируса, в значительной мере будет определяться неэкономическими факторами.

Можно выделить следующие черты, свидетельствующие о сходстве между двумя кризисами. Во-первых, оба инфляционных

¹ Кризис 2014–2016 гг. тоже во многом связан с западными санкциями, но основной удар по экономике тогда все же нанесли упавшие в два с лишним раза цены на нефть.

эпизода начались с ажиотажа на потребительском рынке. Поэтому темпы роста ИПЦ на протяжении первых недель санкционно-го кризиса не следует рассматривать как темпы, соответствующие новой краткосрочной тенденции. Последние наверняка будут гораздо менее высокими.

Во-вторых, в начальной фазе обоих кризисов имели место шоки предложения, которые могут повлечь сходные инфляционные последствия. В начале санкционного кризиса резко снизился объем международных авиаперевозок и выездного туризма, сократилось предложение многих импортируемых товаров длительного пользования, на территории страны приостановилась работа целого ряда зарубежных компаний в связи с введенными санкциями, логистическими проблемами и неопределенностью ценообразования (и вообще экономической ситуации) из-за падения обменного курса рубля. Как и во время коронакризиса, данные обстоятельства ведут к формированию у части населения вынужденных сбережений и перераспределению потребительского спроса в пользу внутреннего рынка. Это, с одной стороны, смягчит влияние антироссийских санкций на внутреннее производство и потребление, а с другой — будет иметь инфляционные последствия. Пока можно говорить лишь о приостановке на территории России деятельности многих зарубежных компаний, а не о прекращении их деятельности. В зависимости от того, возобновится ли она в обозримое время, будет определяться величина соответствующего шока предложения.

В-третьих, начальная стадия обоих кризисов сопровождалась значительным снижением обменного курса рубля, разогнавшим инфляцию. Вместе с тем здесь имеется и два весьма существенных различия. *Первое.* В начале коронакризиса падение обменного курса рубля произошло вследствие резкого ухудшения условий российской внешней торговли, т.е. в силу действия фундаментальных экономических факторов. Начало же санкционного кризиса происходит при благоприятной конъюнктуре мировых рынков. Курсовая динамика обусловлена в первую очередь ажиотажем и неопределенностью, вызванными резким изменением ситуации. *Второе.* Иная природа кризиса и валютного шока обусловили соответствующую динамику курса рубля. Если в начале коронакризиса номинальное ослабление рубля к доллару составило на пике примерно 25% и затем за два месяца опустилось до 10%, то в новом кризисе ослабление на пике составило более 35%, но всего за месяц с небольшим про-

изошел возврат к докризисному уровню, что дает надежду на быстрое торможение роста потребительских цен (хотя фактора шока предложения это не отменяет). Заметим при этом, что величина падения курса рубля в начале санкционного кризиса гораздо меньше, чем во время кризисов 1998 и 2014 гг., несмотря на беспрецедентное санкционное давление. Если в обозримое время российские власти восстановят торговлю основными товарами российского экспорта, это может привести к заметному укреплению курса рубля, что окажет сдерживающее влияние на рост внутренних цен. Таким образом, в начале нынешнего кризиса отсутствуют фундаментальные экономические факторы падения курса рубля.

В-четвертых, сходство двух кризисов может проявляться в мерах антикризисной поддержки населения и бизнеса. Уже обещана индексация пенсий по фактическим темпам инфляции. В случае заметного роста цен может возникнуть необходимость индексации и пенсий работающих пенсионеров, что также будет способствовать закреплению тенденции более высоких темпов инфляции.

В-пятых, трудовые мигранты в очередной раз могут выступить в роли демпфера, способного смягчить негативные последствия кризиса для российских граждан.

Наконец, нельзя не принимать во внимание роль эффектов дезорганизации в ходе обоих кризисов. Во время санкционного кризиса их масштаб и влияние могут быть более значительными, чем во время коронакризиса.

Разумеется, между двумя кризисами есть и весьма существенные различия. Так, санкционный кризис будет характеризоваться отличающейся отраслевой структурой перераспределения внутреннего спроса. Совокупность отраслей, в наибольшей мере пострадавших от кризиса, и, наоборот, его бенефициаров, будет иной. Очевидно, пострадают в первую очередь те сектора экономики, на которые нацелены антироссийские санкции, при этом сектор платных услуг населению, принявший самый тяжелый удар в 2020 г., в новый кризис окажется не в худшем положении. Бенефициарами (как в плане спроса, так и в плане роста цен на продукцию), вполне вероятно, вновь станут внутренний туризм, сектор информационных технологий, а также отрасли военно-промышленного комплекса. Формирование вынужденных сбережений у части населения может способствовать продолжению развития жилищного строительства. Состав этих групп секторов (постра-

давших и бенефициаров) будет определяться и мерами поддержки со стороны государства.

В нынешний кризис российская экономика вступила, едва восстановившись от шока пандемии. Рост ВВП в 2021 г. отчасти был обеспечен стимулирующей бюджетной политикой, а большая часть золотовалютных резервов страны в 2022 г. была заморожена, — оба фактора ограничивают не только возможность нового фискального стимула, но и макроэкономическую устойчивость. Инфляция в январе 2022 г. составляла 8,7% против 2,4% в январе 2020 г., с близкими значениями текущей ценовой динамики в оба кризиса. Помимо более высокой неопределенности для экономических агентов и роста социальных рисков, это несет ограничение возможности для проведения стимулирующей политики Банка России в пользу борьбы с инфляцией.

Общий контур вероятных экономических последствий нового кризиса тоже существенно отличается от итогов коронакризиса. В 2020 г. наблюдалось действие фактора, который вызвал временное (хотя и довольно сильное) отклонение ВВП от потенциального уровня. Санкции 2022 г. ведут к частичной изоляции российской экономики, что скажется на географии, структуре и объемах российского экспорта и импорта, а также на потоках капитала. Даже с учетом частичного сглаживания негативных эффектов санкций за счет перенаправления торговых потоков неизбежна масштабная перенастройка экономики, ее переориентация на более низкий уровень внешнего спроса и увеличение технологического разрыва с развитыми странами. Таким образом, вероятно не только более сильное падение за кризисный период, но и снижение траектории потенциального выпуска.

Принципиальное отличие двух кризисов в мировом масштабе состоит в неизбирательности первого и избирательности второго. Коронавирус одинаково действует на население всех стран, тогда как санкции и контрсанкции по-разному влияют на Россию, страны антироссийской коалиции и прочие (нейтральные) страны. Свойством нынешнего кризиса является его крайняя неоднородность, асимметричность в мировом масштабе. Во время предыдущих кризисов, включая и коронакризис, не предпринимались действия, направленные на причинение российской экономике максимально возможного ущерба (в какой-то мере исключением является кризис 2014 г.). Сейчас же именно это составляет суть кризиса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ инфляционных последствий пандемии на глобальном уровне показывает, что ключевой вклад в рост цен внесли ограничение предложения и разрыв цепочек поставок, породившие инфляцию издержек. При этом бюджетные и монетарные меры антикризисной политики, поддержав экономическую активность и занятость, вместе с тем способствовали ускорению инфляции. На основании этого опыта следует увязывать перспективы устойчивого снижения глобальной инфляции не только с постепенным сворачиванием антикризисных мер, но и с разрешением проблемы производства и поставок необходимых товаров (например, электронных компонентов для автомобильной промышленности и других секторов), а также с интенсивностью долгосрочных структурных изменений.

В России ускорение инфляции в течение 2020–2021 гг. было вызвано комбинацией внешних и внутренних факторов, важнейшим из которых стало образование денежного навеса в связи с ограничением спроса населения на внешнем рынке, его переключением на внутренний рынок и формированием избыточных сбережений. Так же как и в других странах, развернулись инфляционные эффекты нарушения цепочек поставок и монетарных антикризисных мер. При этом ускорение глобальной инфляции и роста цен на мировых рынках в этих условиях внесло большой вклад в ускорение роста внутренних цен, но не было определяющим. Это открыло пространство для антиинфляционной политики Банка России и работы с инфляционными ожиданиями, но одновременно потребовало структурной подстройки экономики к новым условиям.

С учетом неравномерности ускорения роста цен на отдельные группы товаров и услуг негативные эффекты ускорения инфляции в 2020–2021 гг. были сильнее для менее обеспеченных групп населения по сравнению с более обеспеченными. Снижение реальных доходов повлекло закономерное сокращение покупательной способности населения по основным группам товаров, однако в 2020 г. не привело к снижению калорийности питания, благодаря перестройке структуры потребления в пользу продовольствия, а также в сторону более дешевых групп товаров, товаров со скидка-

ми и т.п. Таким образом, механизмы рыночной адаптации, наряду с социальной поддержкой достаточно широких групп населения (таких как семьи с детьми), позволили в период коронакризиса избежать радикального снижения уровня жизни и достаточно быстро перейти к его восстановлению.

Несмотря на это, отдельные группы населения (среди которых — занятые в малом бизнесе, неформально занятые, а также люди с хроническими и тяжелыми заболеваниями) пострадали сильнее других. При переходе на региональный уровень нужно отметить наличие крупного кластера регионов, в которых высокие значения стрессовых для населения факторов — прироста инфляции и безработицы — не компенсируются положительной динамикой доходов населения. Ситуация в этих регионах, так же как и положение уязвимых групп населения, требует пристального внимания и выработки дополнительных мер поддержки во избежание рисков социальной напряженности.

Бюджетная политика России в период пандемии показала достаточную эффективность с точки зрения балансирования цели бюджетной устойчивости с осуществлением масштабного антикризисного пакета. В отличие от многих стран, России удалось избежать чрезмерного роста дефицита и государственного долга в этот период. Однако следование бюджетному правилу, определяющему параметры накопления и использования в экономике нефтегазовых поступлений, в данный период, как и в ряде предшествующих кризисных эпизодов, оказалось невозможным. Это поднимает вопрос о целесообразности применения более сложных бюджетных правил, учитывающих особенности новых вызовов, в том числе неэкономической природы.

Предварительный анализ показывает, что характер инфляционных последствий текущего санкционного кризиса будет иметь много общего с последствиями пандемии, особенно в части эффектов нарушения хозяйственных связей, ограничения предложения ряда товаров и услуг и перестройки структуры спроса. В силу этого обстоятельства уроки коронакризиса и борьбы с ним сохраняют актуальность для оценки перспектив роста цен и выработки антиинфляционных и других антикризисных мер.

Приложение

Таблица П1. Показатели заработной платы, инфляции и безработицы в субъектах РФ в 2021 г. (отсортировано по убыванию со второй строки по индексу социально-экономического стресса; чем выше значение индекса, тем сильнее стресс)

	40 402	денежные доходы населения, III кв. 2021 г., руб. на 1 человека	ИПЦ, прирост в январе – ноябре 2021 г. к январю – ноябрю 2020 г., %	4,7	прирост реальных доходов, I–III кв. 2021 г. среднее взвешенное	Уровень безработицы (обследованная), сентябрь – ноябрь 2021 г., %	Прирост безработицы (разница), сентябрь – ноябрь 2021 г. к сентябрю – ноябрю 2020 г., п.п.	4,6	ИРСЭС (ИПЦ + прирост безработицы)	Доля в отгрузке товаров и услуг собственного производства, январь – ноябрь 2021 г., %	17,0	Прирост стоимости 1 кв. м жилья, I–II кв. 2021 г. к I–III кв. 2020 г., %*
Российская Федерация	21 247	31 965	8,8	–1,4	8,8	–0,5	8,4	0,02	20,0			
Республика Калмыкия	33 485	35 895	8,1	0,4	3,8	–0,7	7,4	0,07	15,2			
Республика Дагестан	29 312	37 744	7,3	–0,7	5,9	0,4	7,1	0,06	н/д			
г. Севастополь	35 039	18 716	7,5	0,1	30,4	–0,6	7,0	0,09	47,3			
Воронежская область								0,91	26,3			
Еврейская автономная область								0,02	10,0			
Республика Адыгея												
Липецкая область												
Республика Ингушетия												

	Денежные доходы населения, III кв. 2021 г., руб. на 1 человека	ИПЦ, прирост в январе – ноябре 2021 г. к январю – ноябрю 2020 г., %	Прирост реальных доходов, I–III кв. 2021 г., среднее взвешенное	Уровень безработицы (обследованная), сентябрь – ноябрь 2021 г., %	Прирост безработицы (разница), сентябрь – ноябрь 2020 г. к сентябрю – ноябрю 2020 г., п.п.	ИРСЭС (ИПЦ + прирост безработицы)	Доля в отгрузке товаров и услуг собственного производства, январь – ноябрь 2021 г., %	Прирост стоимости 1 кв. м жилья, I–II кв. 2021 г. к I–III кв. 2020 г., %*
Пензенская область	27 149	7,7	0,1	4,2	-0,9	6,8	0,41	13,5
Тамбовская область	29 502	7,8	-0,8	3,7	-1,0	6,8	0,31	10,6
Курганская область	23 639	7,3	-1,0	7,4	-0,8	6,6	0,18	6,3
Республика Крым	28 658	7,0	5,0	5,7	-0,6	6,4	0,31	22,7
Курская область	33 268	7,6	0,8	3,5	-1,2	6,4	0,60	27,5
Алтайский край	24 937	7,7	-1,3	4,8	-1,4	6,3	0,62	22,6
Тульская область	33 036	7,3	2,2	3,7	-1,0	6,3	0,96	26,6
Тверская область	30 341	7,1	1,6	4,0	-0,8	6,2	0,46	19,3
Краснодарский край	46 423	7,3	6,2	4,6	-1,1	6,2	2,32	29,6
Московская область	53 865	7,2	7,4	3,0	-1,2	6,1	4,99	22,3
Ульяновская область	27 353	7,2	0,6	4,0	-1,1	6,0	0,41	19,1
Нижегородская область	38 482	6,9	4,4	3,8	-1,0	6,0	1,54	25,9
Калужская область	34 546	7,4	1,1	3,7	-1,4	5,9	0,91	8,7

	Денежные доходы населения, III кв. 2021 г., руб. на 1 человека	ИПЧ, прирост в январе – ноябре 2021 г. к январю – ноябрю 2020 г., %	Прирост реальных доходов, I–III кв. 2021 г. к I–III кв. 2020 г., среднее взвешенное	Уровень безработицы (обследованная), сентябрь – ноябрь 2021 г., %	Прирост безработицы (разница), сентябрь – ноябрь 2021 г. к сентябрю – ноябрю 2020 г., п.п.	ИРСЭС (ИПЧ + прирост безработицы)	Доля в отгрузке товаров и услуг собственного производства, январь – ноябрь 2021 г., %	Прирост стоимости 1 кв. м жилья, I–II кв. 2021 г. к I–III кв. 2020 г., %*
Смоленская область	30 594	6,6	1,5	4,7	-0,7	5,9	0,36	19,5
Ивановская область	27 921	7,7	1,0	4,0	-1,9	5,8	0,27	17,4
Кировская область	26 186	6,9	0,8	4,4	-1,0	5,8	0,41	14,9
Брянская область	32 480	6,8	3,3	3,1	-1,0	5,8	0,37	17,1
Астраханская область	26 375	6,6	-1,6	7,3	-0,9	5,8	0,45	20,3
Самарская область	30 971	7,2	-1,4	3,0	-1,6	5,6	1,89	17,3
Забайкальский край	28 673	6,9	-0,2	9,0	-1,3	5,6	0,34	22,5
Республика Коми	36 948	5,9	-2,5	7,1	-0,4	5,5	0,81	12,6
Республика Татарстан	39 760	6,9	3,4	2,4	-1,4	5,5	3,69	27,1
Архангельская область	39 931	6,8	-0,4	6,4	-1,3	5,4	0,77	23,5
Белгородская область	37 361	6,7	0,5	3,8	-1,4	5,3	1,33	23,0
Костромская область	28 622	7,2	3,4	3,8	-2,0	5,2	0,22	17,4
Республика Хакасия	26 352	8,2	0,4	5,0	-3,0	5,2	0,27	20,3

	Денежные доходы населения, III кв. 2021 г., руб. на 1 человека	ИИП, прирост в январе – ноябре 2021 г., %	Прирост реальных доходов, I–III кв. 2021 г., среднее взвешенное	Уровень безработицы (обследованная), сентябрь – ноябрь 2021 г., %	Прирост безработицы (разница), сентябрь – ноябрь 2020 г., п.п.	ИРСЭС (ИИП + прирост безработицы)	Доля в отгрузке товаров и услуг собственного производства, январь – ноябрь 2021 г., %	Прирост стоимости 1 кв. м жилья, I–II кв. 2021 г. к I–III кв. 2020 г., %*
Республика Бурятия	27 427	7,1	-0,2	8,7	-1,9	5,2	0,23	24,7
Орловская область	30 746	7,1	0,7	4,2	-2,0	5,2	0,22	28,8
Пермский край	31 572	6,4	0,1	4,1	-1,2	5,1	1,55	19,9
Приморский край	40 050	5,9	1,8	4,3	-0,8	5,1	0,77	14,2
Ростовская область	36 979	6,7	5,2	3,8	-1,7	5,0	1,52	11,8
Ярославская область	33 797	6,6	3,6	5,7	-1,7	4,9	0,57	29,1
Республика Саха (Якутия)	46 085	5,5	2,1	6,7	-0,6	4,9	1,23	6,4
Чувашская Республика	23 365	6,6	3,7	4,2	-1,8	4,8	0,29	14,1
Магаданская область	71 384	6,4	0,7	4,2	-1,6	4,8	0,25	8,4
Камчатский край	59 409	5,0	3,6	3,5	-0,2	4,7	0,21	13,7
Новосибирская область	35 807	6,2	3,7	5,5	-1,6	4,6	1,25	10,7
Амурская область	39 649	6,2	3,9	4,9	-1,5	4,6	0,31	27,8
Ставропольский край	27 540	7,1	1,6	4,8	-2,4	4,6	0,74	5,3

Продолжение табл. П1

	Денежные доходы населения, III кв. 2021 г., руб. на 1 человека	ИПЦ, прирост в январе – ноябре 2021 г. к январю – ноябрю 2020 г., %	Прирост реальных доходов, I–III кв. 2021 г., среднее взвешенное	Уровень безработицы (обследованная), сентябрь – ноябрь 2021 г., %	Прирост безработицы (разница), сентябрь – ноябрь 2021 г. к сентябрю – ноябрю 2020 г., п.п.	ИРСАС (ИПЦ + прирост безработицы)	Доля в отпуске товаров и услуг собственного производства, январь – ноябрь 2021 г., %	Прирост стоимости I кв. м жилья, I–II кв. 2021 г. к I–III кв. 2020 г., %
Калининградская область	31 786	7,2	2,0	4,6	-2,7	4,5	0,80	28,7
Республика Мордовия	23 046	5,9	2,2	3,8	-1,4	4,5	0,31	8,8
Красноярский край	34 513	6,9	1,5	3,4	-2,4	4,5	2,61	21,8
Свердловская область	40 850	6,4	0,0	3,8	-1,9	4,5	2,95	16,3
Омская область	29 216	7,4	-2,2	5,7	-3,0	4,4	0,97	26,0
Республика Северная Осетия — Алания	26 860	7,0	1,8	12,1	-2,6	4,4	0,05	1,4
Сахалинская область	60 260	5,1	-1,4	5,0	-0,7	4,3	0,95	-4,5
Удмуртская Республика	26 540	6,6	-0,4	3,9	-2,3	4,3	0,64	13,7
Саратовская область	25 969	6,8	0,7	3,8	-2,6	4,2	0,73	10,3
Рязанская область	30 102	7,4	2,3	3,2	-3,2	4,2	0,50	23,4
г. Санкт-Петербург	53 680	6,4	8,8	1,6	-2,2	4,2	5,53	28,4
Республика Карелия	35 419	7,5	-1,0	5,9	-3,3	4,1	0,37	19,4

	Денежные доходы населения, III кв. 2021 г., руб. на 1 человека	ИПЦ, прирост в январе – ноябре 2021 г. к январю – ноябрю 2020 г., %	Прирост реальных доходов, I–III кв. 2021 г. к среднее взвешенное	Уровень безработицы (обследованная), сентябрь – ноябрь 2021 г., %	Прирост безработицы (разница), сентябрь – ноябрь 2021 г. к сентябрю – ноябрю 2020 г., п.п.	ИРСАС (ИПЦ + прирост безработицы)	Доля в отгрузке товаров и услуг собственного производства, январь – ноябрь 2021 г., %	Прирост стоимости 1 кв. м жилья, I–III кв. 2021 г. к I–III кв. 2020 г., %*
Кемеровская область	27 542	6,8	1,1	4,8	-2,7	4,1	2,04	16,5
Иркутская область	29 489	6,9	1,9	5,2	-2,9	4,0	1,67	30,3
г. Москва	87 014	5,4	8,7	2,3	-1,5	3,9	20,45	24,6
Республика Башкортостан	31 550	6,5	0,2	3,8	-2,6	3,9	2,03	12,1
Оренбургская область	26 307	6,8	-0,6	4,2	-3,0	3,8	1,10	0,3
Хабаровский край	42 099	5,4	-1,5	2,9	-1,7	3,7	0,85	21,6
Республика Марий Эл	22 816	6,2	2,0	4,5	-2,6	3,7	0,19	14,3
Тюменская область	50 750	4,7	1,3	2,7	-1,2	3,5	9,40	17,7
Псковская область	31 021	6,1	3,1	3,9	-2,6	3,5	0,20	18,9
Владимирская область	29 465	6,9	3,0	3,0	-3,4	3,5	0,71	23,5
Вологодская область	31 884	6,8	-1,1	3,9	-3,3	3,5	1,12	19,0
Ленинградская область	38 491	6,0	4,4	3,3	-3,0	3,0	1,63	11,0

Продолжение табл. П1

	Денежные доходы населения, III кв. 2021 г., руб. на 1 человека	ИПЦ, приrost в январе – ноябре 2021 г. к январю – ноябрю 2020 г., %	Приrost реальных доходов, I–III кв. 2021 г., среднее взвешенное	Уровень безработицы (обследованная), сентябрь – ноябрь 2021 г., %	Приrost безработицы (разница), сентябрь – ноябрь 2021 г. к сентябрю – ноябрю 2020 г., п.п.	ИРСЭС (ИПЦ + приrost безработицы)	Доля в отручке товаров и услуг собственного производства, январь – ноябрь 2021 г., %	Приrost стоимости I кв. м жилья, I–II кв. 2021 г. к I–III кв. 2020 г., %*
Мурманская область	49 998	5,6	2,7	4,9	-3,0	2,5	1,01	н/д
Волгоградская область	27 498	6,3	0,5	4,3	-3,9	2,4	0,82	11,7
Новгородская область	28 284	6,2	2,6	3,2	-4,0	2,3	0,29	12,5
Чукотский автономный округ	99 056	3,5	6,1	2,6	-1,4	2,0	0,11	н/д
Челябинская область	29 194	5,7	2,9	3,8	-4,0	1,7	2,14	21,7
Томская область	29 786	5,6	-1,9	5,5	-3,9	1,6	0,56	22,3
Кабардино-Балкарская Республика	24 441	7,3	1,4	9,6	-6,0	1,3	0,07	21,8
Караево-Черкесская Республика	20 677	5,9	1,2	9,8	-4,9	1,0	0,05	11,2
Республика Алтай	23 548	5,6	2,3	10,1	-6,2	-0,6	0,03	н/д
Республика Тыва	18 138	6,4	1,0	11,3	-8,6	-2,2	0,03	н/д
Чеченская Республика	26 525	6,2	0,5	10,9	-11,4	-5,2	0,09	11,0

	Справочно (расчеты по субъектам РФ)									
	Денежные доходы населения, III кв. 2021 г., руб. на 1 человека	ИПЦ, прирост в январе — ноябре 2021 г. к январю — ноябрю 2020 г., %	Прирост реальных доходов, I—III кв. 2021 г. к I—III кв. 2020 г., %	Уровень безработицы (обследованная), сентябрь — ноябрь 2021 г., %	Прирост безработицы (разница), сентябрь — ноябрь 2021 г. к сентябрю — ноябрю 2020 г., п.п.	ИРСЭС (ИПЦ + прирост безработицы)	Доля в отгрузке товаров и услуг собственного производства, январь — ноябрь 2021 г., %	Прирост стоимости 1 кв. м жилья, I—III кв. 2021 г. к I—III кв. 2020 г., %*		
Стандартное отклонение	13 337,6	0,9	2,4	3,7	1,8	2,1	2,55	8,2		
Среднее не взвешенное значение	34 565,9	6,7	1,6	5,4	-2,1	4,6	1,22	18,0		
Коэффициент вариации	0,4	0,1	1,5	0,7	-0,8	0,5	2,09	0,5		
Максимум	99 056,0	10,0	8,8	30,4	0,4	8,4	20,45	47,3		
Минимум	18 138,0	3,5	-2,5	1,6	-11,4	-5,2	0,02	-4,5		
Отношение максимума к минимуму, раз	5,5	2,9	-3,6	19,5	0,0	-1,6	1004,1	-10,4		

Примечание. Прирост реальных доходов вычислен как среднее арифметическое взвешенное приростов в I—III кварталах 2021 г., веса — номинальные среднедушевые доходы.

* Средняя рублевая цена на первичном и вторичном рынке жилья (расчеты авторов по данным Росстата).

Источники: Росстат; расчеты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ по данным Росстата.

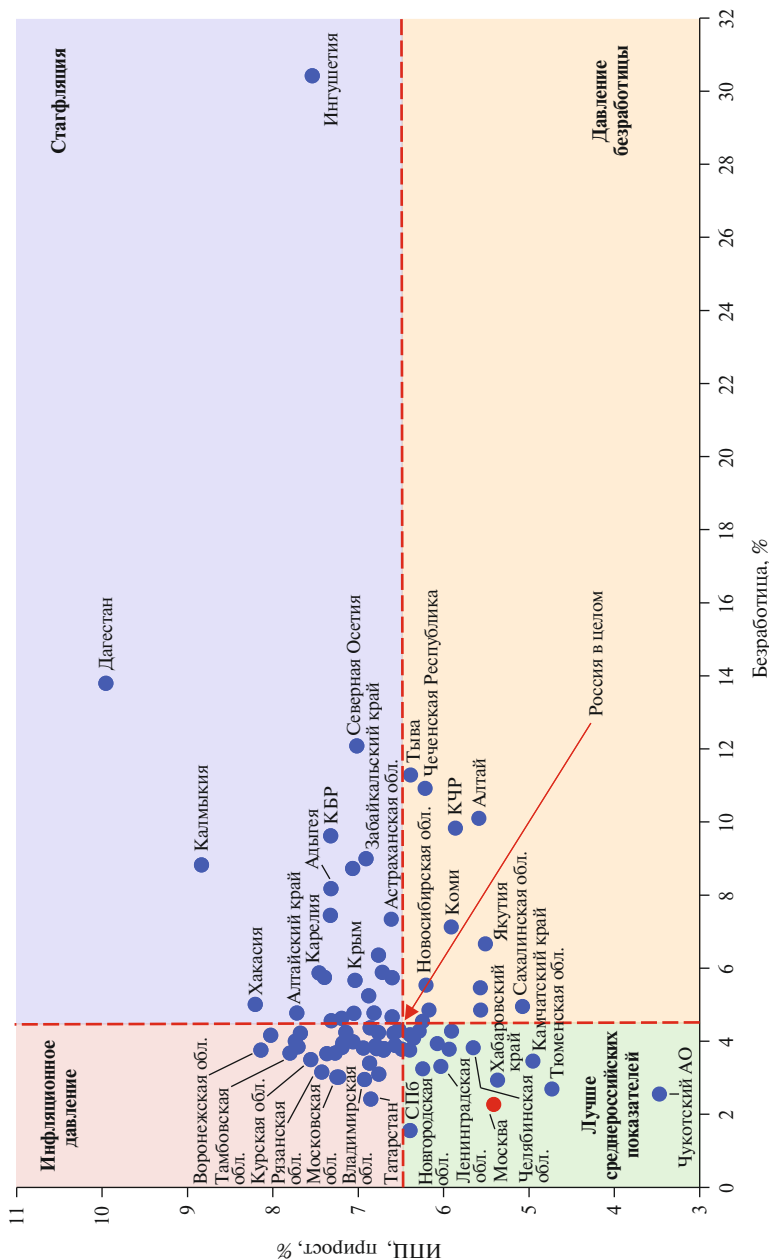

Рис. П1. Соотношение значимости для региона макроограничений в виде инфляции (прирост ИПЦ в январе — ноябре 2021 г. к январю — ноябрю 2020 г., ось ординат), %, и уровня безработицы (доля безработных в экономически активном населении, сентябрь — ноябрь 2021 г., ось абсцисс), %

Примечание. Пунктирные линии обозначают уровни показателей по России в целом (по данным Росстата). Значения рядов приведены в табл. П1 приложения.

СПб — Санкт-Петербург; КБР — Кабардино-Балкарская Республика; КЧР — Карачаево-Черкесская Республика.

Источник: Расчеты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ на основе данных Росстата.

АВТОРЫ ДОКЛАДА

Акиндинова Наталья Васильевна

Директор Института «Центр развития» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Бессонов Владимир Аркадьевич

Кандидат физико-математических наук, начальник отдела анализа отраслей реального сектора и внешней торговли Института «Центр развития» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Кондрашов Николай Владимирович

Научный сотрудник Института «Центр развития» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Кузнецов Алексей Олегович

Лаборант Института «Центр развития» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Миронов Валерий Викторович

Кандидат экономических наук, заместитель директора Института «Центр развития» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Мисихина Светлана Геннадьевна

Кандидат экономических наук, заместитель директора Института «Центр развития» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Пухов Сергей Геннадьевич

Ведущий эксперт Института «Центр развития» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Сафонов Игорь Николаевич

Эксперт Института «Центр развития» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Смирнов Сергей Владиславович

Кандидат экономических наук, заместитель директора Института «Центр развития» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Чернявский Андрей Васильевич

Кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института «Центр развития» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Научное издание

**Инфляционные вызовы периода пандемии
и уроки для будущего**

Доклад НИУ ВШЭ

Гарнитура Newton. Формат 60×88 1/16
Усл. печ. л. 5,5. Уч.-изд. л. 4,8. Изд. № 2631

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел.: +7 495 772-95-90 доб. 15285

При поддержке Фонда целевого капитала НИУ ВШЭ

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ
ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПАРТНЕР

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ
РАДИОПАРТНЕР

ГЛАВНЫЙ ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПАРТНЕР

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПАРТНЕРЫ

Российская Газета

ПОЛИТ.РУ

Индикатор

журнал
стратегия

ЭКОНОМИКА
и ЖИЗНЬ

InScience.News

